

ЛАБОРАТОРИЯ

R.E.D.

ФЕДОР СЕРЕГИН

ВАДИМ ФАРГ

Лаборатория R.E.D.

Вадим Фарг

Лаборатория R.E.D.

«Автор»

2026

Фарг В.

Лаборатория R.E.D. / В. Фарг — «Автор», 2026 — (Лаборатория R.E.D.)

Магия это наука. Его лаборатория скрыта под неоновым куполом мегаполиса. Его клиенты олигархи и простые люди. Его материал геном атлантов, чья магия продаётся как роскошный сервис. Свят Волштейн стоит на разломе миров. С одной стороны корпоративный Новосибирск 2050, с джетами, нейроинтерфейсами и цифровым рабством. С другой запретное знание отца, биологическая магия пришельцев и правда, которая перевернёт всё. Он начал с простого: ему нужны были деньги. Он получил заказ, нарушающий все этические кодексы. Теперь его преследуют, за ним охотятся, а единственный ключ к выживанию – зашифрованный дневник умершего отца.

Содержание

Глава 1. Дно бокала	6
Глава 2. Шик и анонимность	13
Глава 3. Игра на повышение	20
Глава 4. Рабочие будни и неожиданный гость	27
Глава 5. Старые друзья	33
Глава 6. Сделка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Федор Серегин, Вадим Фарг Лаборатория R.E.D.

Серия «Лаборатория R.E.D.»

© Вадим Фарг, 2026

© Федор Серегин, 2026

Глава 1. Дно бокала

С трудом разлепив глаза, я уставился вверх. Потолок медленно плыл перед взором. Помнится, я долго выбирал этот оттенок «арктический лёд» с наночастицами. Раньше он отражал свет, а сейчас только мою чудовищную головную боль.

Попробовал приподняться на локтях. Спина отозвалась противным хрустом: оказалось, я спал на полу, привалившись спиной к дивану. Рядом валялась пустая бутылка «Клин-Крик» двадцать пятого года. В мозгу тут же всплыл ценник. И мы её, похоже, приговорили. Хотя нет, скорее гости. Я-то планировал пить умеренно.

Я осторожно повернул голову. В метре от меня, прямо на ковре, раскинув руки, храпел незнакомый парень в мятой рубашке. Рядом с ним валялась перевернутая тарелка с остатками закусок. Соус медленно впитывался в шерсть, оставляя пятно.

Со стороны кухни донесся шорох, а затем глухой стук, будто что-то тяжелое уронили в мусорку. Значит, не все ещё разбежались.

Собрав остатки воли, я кое-как встал на ноги. Мой дом предстал во всей своей красе. Бокалы с недопитым вином громоздились прямо на книгах отца. Стул грустно кренился набок, у него не хватало ножки. В пасти бронзового волка у камина торчала женская туфля со сломанным каблуком. И повсюду: на полу, на мебели и, как я почувствовал, даже на моей щеке; прилипли эти проклятые блёстки от конфетти.

Свет из панорамных окон бил прямо в глаза. Я поморщился от яркого света. Новосибирск 2050-го снаружи выглядел как всегда: стальной лес небоскрёбов, а над ним мерцающий синим городской купол.

«Спасибо, папа, за вид. И за дом в хорошем районе, без этого нагромождения высоток. Жаль, ты не можешь видеть, как я им распоряжаюсь. Хотя, стоп. Может оно, и к лучшему»

На стене, прямо передо мной, висела огромная голограмма. Я её не включал. Вернее, включал вчера вечером, для фона. Теперь она показывала новости. Ведущая программы вещала о чём-то. Звук был приглушён, но снизу бежала строка.

«...24 ГОДА С МОМЕНТА ПЕРВОГО КОНТАКТА. КОАЛИЦИЯ УКРЕПЛЯЕТ РУБЕЖИ...»

Я зевнул. Да, да, круглая дата. Комета 3I/Atlas, внезапно оказавшаяся кораблём пришельцев, которых наши деды-паникёры тут же окрестили «атлантами». Их высадка в центральном американском штате. Паника, первые выстрелы, первые ответные удары: не магией даже, а чем-то вроде направленных землетрясений. Месяц хаоса. Потом долгие годы окопного противостояния: их магия против нашей технологии, их резервации против наших куполов. Коалиция Объединённой Земли. Великая Холодная Война. Скукота. История, которую каждый знает со школы. Я родился как раз в разгар этого всего. Война для моего поколения не более чем фон, нас не призывают в армию, мы не видим прямых столкновений. Боевые действия где-то далеко, за Уралом. Мы же под куполом в безопасности. Повезло, что пришельцам-магам не по вкусу холодные регионы нашей планеты.

Меня больше интересовало, есть ли в холодильнике томатный сок.

– Выключи это, Лекс, – прохрипел я. – Хватит утренней промывки мозгов.

Голограмма мгновенно погасла, оставив на стене матово-серую панель. Голос ИИ, слегка машинный, раздался отовсюду, но будто прямо передо мной.

– Принято, Святослав. Уровень дегидратации организма критический. В холодильнике остался один тюбик регидранта «Утро–2050». Рекомендую выпить немедленно.

– Где Михаил? – спросил я, пробираясь через зал, стараясь не наступить на чью-то конечность, – Почему от него нет завтрака? Хоть яичницы с крабами?

– Михаил Анатольевич покинул резиденцию сегодня в 04:47, – отчеканил Лекс, – На его счёт была переведена заработная плата и премия за три месяца. Он оставил голосовое сообщение: «Уезжаю в отпуск, Свят, на две недели»

Я остановился посреди зала и закрыл глаза.

«Вот же ж... Бабки получил и свалил. А я тут с бодуна, и даже яичницу некому пожарить. Наследник состояния и интеллекта Фёдора Волштейна, а без личного повара как без рук»

– Закажи клининг, – сказал я, отправляясь на кухню, – Полный пакет «Сияние». Чтобы к вечеру тут пахло лавандой и свежестью.

– Уже оформляю.

Кухня была просторной, вся в матовой и стальной облицовке. Умный холодильник, стол-ило мне приблизиться, подсветился синим и на своей поверхности вывел список содержимого. Лекс не солгал: сок, вода, баночка каперсов, и один тюбик регидранта. Я взял тюбик и выдавил вязкую жидкость в рот. На вкус паршиво. Но через пару минут в голове начало проясняться.

«Надо пойти освежиться в душ»

Я побрёл по коридору, прошел мимо стены с голографическим аквариумом с экзотическими рыбами. Одна из них, синяя с жёлтыми полосами, зависла на месте и дергала плавниками. Опять глючит. Или тоже с похмелья.

Дверь в ванную сработала на биометрику, но не с первого раза. Внутри всё было в порядке: чёрный мрамор, никелированные смесители, встроенные в зеркало экраны. Я включил воду, и умный душ сразу выставил температуру 38 градусов, давление – «расслабляющий массаж». Хоть что-то работало как надо.

Пока вода смывала с меня остатки вчерашнего, я планировал день. Нужно было прогнать оставшихся гостей. Проверить, не сломали ли они чего-то действительно ценного. Заказать еды. И... подумать о деньгах. Мысль неприятная, но насущная. Я отогнал её.

Оделся в чистое: простые штаны и футболку из умного хлопка, который сам регулирует температуру. Вышел из спальной зоны и, почти не думая, свернул к помещению с бассейном. Надо проверить как обстановка там после вечеринки.

Дверь соскользнула в сторону. Бассейн, длиной метров пятнадцать, напоминал сейчас болото. Вода была мутно-зелёной, на поверхности плавало несколько пустых бутылок и кажется лимонная долька.

А на лежаке под искусственным солнцем спал очередной гость. Этот был постарше, в дорогом костюме, сейчас помятом. Голограмма солнца, не просто картинка, а комплекс ультрафиолетовых и инфракрасных излучателей – грела его лицо.

– Лекс, – сказал я тихо. – Вызови ребят из «Аква-Сервиса». Пусть зальют новую воду, почистят фильтры, всё как полагается. И разбуди этого тюленя, пусть идёт домой.

– Обращение в «Аква-Сервис» требует предварительной авторизации и предоплаты, – немедленно ответил ИИ, – Стоимость услуги «Срочная очистка и дезинфекция» 25 000 кредитов.

– И? – удивился я, – Авторизуй, в чем проблема?

– Недостаточно средств на вашем основном счёте, Святослав.

Я замолчал в недоумении.

– Недостаточно? – повторил я глупо, – Как это? Неделю назад там было...

– Четыре миллиона четыреста двадцать тысяч кредитов, – бесстрастно продолжил Лекс, – С тех пор были совершены следующие крупные операции...

– Стой, стой, – перебил я, – Не надо вслух. Просто скажи, сколько нужно снять с основного депозита

– Для покрытия расходов на клининг и очистку бассейна потребуется перевод 30 700 кредитов с трастового фонда «Наследие Ф.В. Волштейна». Подтверждаете операцию?

– Подтверждаю, что б меня, – проворчал я, – И выключи это солнце.

Голограмма над лежаком погасла. Мужик на лежаке хмыкнул во сне и перевернулся на бок.

– Перевод выполнен, – сообщил Лекс, – Бригада будет через час. Общий баланс трастового фонда после списания...

– Не надо! – почти крикнул я, – Мне не нужно слышать остаток после каждой покупки. Просто скажи, на сколько в целом... – я сглотнул, – На сколько в целом мне хватит, если... если ничего не изменится?

Лекс сделал микроскопическую паузу, словно рассчитывая.

– При текущем среднемесячном уровне расходов, с учётом экстраординарных трат, таких как поездка на горнолыжный курорт 11 октября и предоплата за личный аэромобиль «Грифон», средств фонда хватит на шесть месяцев, одиннадцать дней.

«Всего полгода. А потом что? Продавать дом? Машину, которую я ещё даже не получил? «Грифон» был моей мечтой, самой быстрой моделью в личном сегменте. Я вложил в него почти всё, что было на личном счету, плюнув на предостережения банкира»

– Ой, всё, – сказал я себе и Лексу одновременно, – Заткнись, и не грузи. Я разберусь. Как раз новые заказы должны подвернуться.

Я резко развернулся и пошёл обратно в гостиную. По дороге я почти зацепил девушку, которая сидела на полу, уткнувшись в свой коммуникатор. Она выглядела знакомой, возможно, была здесь здесь не в первый раз.

– Свят, привет, – она подняла на меня мутные глаза, – Не подбросишь до центра? У меня гала-такси вызвать не получается, папаша счёт заблокировал...

Я посмотрел на неё, на её помятый наряд, на жалкое выражение лица.

– Значит иди пешком, – сказал я устало, – Полезно для метаболизма и для кошелька. Или вызови простое такси.

– А ночью ты был обходительным. Козёл!

Она пробормотала что-то еще, но я уже прошёл мимо.

– Лекс, открой парадную для всех, потом впусти только службы доставки и клининга. И добавь в чёрный список распознавания лиц вот эту... в общем, всех, кто ещё тут.

– Выполняю.

В зале парень в рубашке уже сидел, потирая виски. Он увидел меня и попытался улыбнуться.

– Свят, братан! Ну и затусили вчера! Ты помнишь, как тот мужик в бассейн прыгал в одежде! Это было...

– Нечто, – закончил я за него, – Ты кто вообще?

Его улыбка замерла.

– Я... мы с тобой вчера обсуждали инвестиции в спутниковый интернет для...

– А, вспомнил, – соврал я, – Дверь там. Проходи.

Он что-то ещё пробормотал, но поднялся и, пошатываясь, поплёлся к выходу. Я дождался, пока дверь за ним не закрылась, и рухнул на тот самый диван, к которому недавно прислонялся. Тишина навалилась звоном в ушах. И пульсация в висках, которая возвращалась с новой силой.

«Пап, – мысленно обратился я к потолку, – Ты бы сейчас офигел. Накопил состояние, а твой наследник спустил это на летающую тачку и виски. Ахаха, зато было весело»

Отец. Фёдор Волштейн. Гений, расшифровавший ДНК атлантов. Гуманист, который отказался делать из своих открытий оружие. Умер год назад от банального инфаркта. Оставил мне состояние, знания и кучу оборудования в секретной лаборатории. Он учил меня всему, что знал. Но я выбрал не путь учёного, а путь... потребителя? Наследника, живущего на широкую ногу. До сегодняшнего дня это казалось отличной стратегией.

На диване я просидел порядка часа. Взвешивая последствия такого количества выпивки и постоянного кутежа...

Звонок раздался не через Лекса, а напрямую в имплант, настойчивый импульс в височной кости. Я вздрогнул. Круг общения, который знал этот канал, можно было пересчитать по пальцам. И ни один из них не стал бы звонить в такое время без серьёзного повода.

Я принял вызов.

– Святослав Фёдорович, доброе утро, – голос был знакомым. Мой финансовый управляющий из старого банка, Матвей Ильич. Он всегда говорит так, будто сообщает курс валют.

– Матвей Ильич, – отозвался я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, – Если вы насчёт перерасхода, я уже в курсе.

– Не только, – пауза была едва уловимой, – Беспokoюсь о ликвидности ваших инвестиций. Но также поступило... нестандартное предложение. Оно требует вашего непосредственного участия. Ваших уникальных навыках.

Меня будто слегка ударило током.

– Навыков? У меня их, если что, много. О каком именно? – я пытался шутить, но вышло напряжённо.

– О ремесле вашего отца, – голос понизился на полтона, – Требуется не очень стандартная работа... Детали только при личной встрече. Но заказчик щедр.

Перед глазами побежали цифры. Очень щедр. Мой повар свалил. Мой образ жизни требует много денег. «Грифон» нужно забирать и страховку сразу покупать.

Чувство азарта сменило муть в голове. Опасность? Возможно. Но свои деньги... большая часть наследства отца это неликвидные активы и патенты. А необычная работа... Это уже пахло не скучной коррекцией ДНК для богатых ипохондриков.

– Интересно и прибыльно мои два любимых слова, Матвей Ильич, – сказал я, и голос мой наконец приобрёл привычную лёгкость, – Присылайте время и место. Только, как водится, без имён.

– Как всегда. Данные поступят к вам по готовности. Хорошего дня.

Связь прервалась. Я сидел, уставившись в ту точку на стене, где ещё недавно мерцала голограмма с новостями. Голова больше не болела. Была только лёгкая дрожь в кончиках пальцев.

«Ладно, хватит сидеть без дела. Ну что ж, пап, похоже, пора вспомнить, чему ты меня учил. Только на этот раз... на этот раз я сделаю это для себя. Ну, и для своего кошелька, конечно»

Я прошёл через зал, мимо пятна на ковре, мимо сломанного стула, к неприметной двери в дальнем конце. В мой кабинет. Туда, где стояли терминалы, не подключенные к общей сети дома.

– Лекс, – сказал я, прикладывая ладонь к сканеру. Дверь беззвучно отъехала, – Готовь лабораторию к работе. Будем... зарабатывать.

Я шагнул в кабинет и дал двери закрыться за спиной. Стены, обшитые тёмным морёным дубом, поглощали любой звук. Посреди комнаты стояло массивное кресло. Перед ним широкий матовый стол, встроенный тёмный экран терминала. В углу мини-холодильник в стиле ретро, полный современной дряни: smart-кола, какой-то щелочной напиток с водорослями и банки энергетика «Нейронный ускоритель» с голограммой-черепом на крышке. Я взял одну, щёлкнул клапаном. Холодная шипучка с привкусом лимона ударила в нёбо. То что надо. Да и регидратант сделал свое дело, похмелье как рукой сняло. Работать предстояло долго.

Я подошёл к панорамному окну. Красивый ухоженный сад, фонтанчик и статуи. Вид и правда шикарный. Отец знал толк не только в генах.

Я приложил ладонь к холодному стеклу. Не к раме, а именно к стеклу. Сначала в левый нижний угол, потом в точку чуть выше центра, выдержав паузу в три секунды, и наконец в

правый верхний. Лёгкая вибрация под пальцами. Простой биометрический сканер мог взломать любой полуграмотный хакер. А эта последовательность касаний на наноструктурированном стекле, меняющем проводимость... Это знали только двое. Теперь один я.

Под ногами с едва слышным шипением разошлась идеально подогнанная панель пола. Открылась лестница: узкая, крутая, из чёрного металла. Свет включился сам и я спустился.

Внизу была не дверь, а шлюз. Герметичный, тяжёлый. Он отъехал в сторону с тихим звуком откачиваемого воздуха, и меня окутал знакомый стерильный холод. Лаборатория.

Отец в шутку называл её «Красным залом». Не из-за какой-то драмы, а потому что ему нравился цвет. Основной свет был белым, но вся подсветка: контуры столов, панели приборов, индикаторы; горела тёмно-алым. RED Lab – лаборатория исследования ДНК. Ирония в том, что я здесь этим самым исследованием почти не занимался. Но название прижилось.

Помещение было не огромным, но забитым до отказа. Автоматические секвенаторы нового поколения в углу. Голографические проекторы для 3D-моделирования. И в центре всего главный терминал. Не просто компьютер. Это был «Кронос» – последнее, что отец успел привезти перед смертью, пару лет назад. Говорил, такие стоят только на сверхсекретных базах Коалиции. Полная аппаратная изоляция, квантовое шифрование, выходы в сеть через каскад одноразовых ретрансляторов. Отследить его было невозможно. Мой портал в даркнет, в мир заказов и анонимных счетов.

Я запустил систему. Над столом вспыхнула голограмма.

– Лекс, – сказал я, опускаясь в кресло, – Дай статус.

Голос ИИ раздался из скрытых динамиков с подобранной мною интонацией: лёгкой, слегка насмешливой. Почти как у Тони Старка из старых фильмов. Это помогало не сойти с ума от одиночества в этих четырёх стенах.

– Все системы в норме, Святослав. За последние двенадцать часов получено два новых запроса в зашифрованном буфере. Приоритетный от клиента «Вершина». Повторяю заказ: неаллергенная домашняя кошка с модификациями. Терпение клиента, цитата: «на исходе».

Я фыркнул.

«Вершина» – это какой-то олигарх из верхушки, его супруга, видимо, помешана на гипоаллергенных зверюшках. Готов выложить круглую сумму, лишь бы жена не чихала на своего будущего персидского кота. Кошечки, блин»

– Загружай шаблон. Референсный геном – сиамская. За основу характера возьми мейн-куна, но вырежем гены крупного размера. И добавь маркеры «золотая шиншилла» в окрас. Суррогатную мать закажи на биофабрике «Генезис» с максимальным приоритетом.

– Выполняю. Начато моделирование.

На основном экране «Кроноса» развернулась спираль ДНК, усыпанная разноцветными маркерами. Для обычной лаборатории такая работа заняла бы недели. У меня – часы. Отец с детства вбивал в меня не сухую теорию, а чувство. Он не заставлял зубрить учебники, а сажал меня за редактор и говорил: «Собери так, чтобы не развалилось».

К одиннадцати годам я мог исправить в геноме дрозофилы ошибку, которую не все профессора видели. Частная школа, потом университет... Я ушёл оттуда через месяц после его смерти. Бессмысленная трата времени на лекции стариков. Для всего мира я был мажором-недоучкой, проматывающим наследство. Никто не знал, что в этой красной комнате я мог за две недели создать то, на что эволюции требовались тысячелетия.

Пальцы летали по сенсорной панели, вырезая, встраивая, корректируя. Лекс предлагал варианты, но финальное слово было всегда за мной. Здесь я был богом.

Вспомнился один из первых самостоятельных заказов: пара, оба носители гена телеангиэктатической атаксии. Жуткая штука, медленный распад нервной системы. Их шанс родить здорового ребёнка был мизерным. Они пришли по старым связям отца, через Матвея Ильича и умоляли. Я тогда сомневался в каждом своём действии.

Но провёл преимплантационную диагностику, нашёл злосчастный участок и... аккуратно вырезал его. Чистая работа. Через девять месяцев они прислали фото здоровой девочки. Я тогда впервые осознал, что папины навыки это не игрушка. Это сила и возможности. А это страшно затягивает.

– Основные модификации завершены, – голос Лекса вернул меня в настоящее, – Ожидает подтверждения по фенотипу: оттенок глаз, плотность подшёрстка.

– Глаза ярко-изумрудные. Подшёрсток минимальный, чтобы не линияла. Сохраняй и отправляй на фабрику. Выставь счёт, полная предоплата, как только подтвердят заказ.

– Принято. Заказ передан в очередь.

Я откинулся в кресле и потянулся. Даже такая рутинная работа выжимала соки. Требовала абсолютной концентрации. На краю стола, отдельно от всего, лежал простой чёрный коммуникатор-«жучок». Простая вещь, почти допотопная, без всего, только приём и отправка зашифрованных пакетов. Он тихо завибрировал.

Сообщение на закрытую линию.

«М.И.: Встреча подтверждена. 30 октября, 20:00. «Купол», частная жога 5. Будьте готовы к нестандартному запросу. Подробности на месте.»

Выглядит интригующе.

– Святослав, – снова обратился Лекс, и в его голосе появилась имитация заинтересованности, – Пока вы работали, «Арена» начала прямую трансляцию главного боя недели. Рекомендую отвлечься. Может быть информативно.

– Опять эта кровавая клоунада? – я поморщился. Но Лекс был прав. Иногда там можно было подметить детали, которые не показывали в сухих отчётах, – Ладно, включи. Но без их дурацких комментариев.

Одна из стен лаборатории погасла, превратившись в огромный экран. Картинка была кристально чёткой: круглая арена под открытым небом где-то за пределами купола, залитая светом прожекторов. Трибуны вздымались к небу, забитые людьми. А на песке двое: атланты.

Высокие, под два с половиной метра, с кожей, напоминающей полированный камень. Идеальные черты. И эти фиолетовые глаза, светящиеся изнутри холодным светом. На них только набедренные повязки и массивные ошейники-подавители, которые, по заверениям военных, должны были сдерживать их силу.

– Смотри, правый сейчас скастует кольцо огня, – пробормотал я, отхлёбывая энергетик, – Стандартная стратегия.

Атлант справа резко развёл руки, и вокруг его противника вспыхнуло кольцо пламени. Но второй не стал ждать. Он прижал ладони к песку. Камень арены вздыбился, оплёл ноги огненного атланта каменными жгутами и выбросил из земли острый шип, направленный прямо в грудь. Тот едва успел отклониться, пламя погасло.

– Видишь? – сказал я Лексу, – Земляная магия. У того, что слева, ещё есть сила. Он в плену не больше года, я бы сказал. А правый... смотри, на него. Он уже на исходе. Его привезли, наверное, лет пять назад. Источник их силы внешний. Солнце, радиация, чёрт его знает что. Но в неволе она иссякает.

На экране атлант, владевший землей, сделал резкий взмах рукой. Воздух вокруг его противника сгустился, стал видимым, и поднял того вверх, на высоту метров десяти. На секунду всё замерло. А потом резкое движение вниз. Тело с грохотом ударилось о песок, отскакивая. Зрители взревели.

Я выключил экран. Внезапная тишина в лаборатории стала давить на уши. Не из-за жестокости. К ней я относился спокойно. А из-за... неправильности. Как будто я наблюдал, как гаснет редчайшая бабочка, приколотая булавкой к стенке.

– Статистика, Лекс? – спросил я тихо.

– Пленный, пробывший в неволе более четырёх лет, показывает снижение магической активности в среднем на 60–70% по сравнению с новоприбывшими, – отчеканил ИИ, – Гипотеза о внешнем источнике энергии остается наиболее вероятной.

– И папа пытался найти этот «выключатель» у них в ДНК, – пробормотал я себе под нос. Ключ, который он, возможно, нашёл. И унёс с собой.

– Ладно, хватит, – я поднялся, – Вырубай всё, кроме «Кроноса» и охраны. Иди в спящий режим.

– Как пожелаете, – голос Лекса стал нейтральным, без эмоций.

Я ещё раз окинул взглядом Красный зал. Завтра встреча с моей красоткой из журнала. А послезавтра встреча.

«Посмотрим, что ты нам привёз, Матвей Ильич, – подумал я, поднимаясь по лестнице в кабинет, – Посмотрим.»

Глава 2. Шик и анонимность

Я вышел из кабинета, и дверь за моей спиной бесшумно задвинулась. Гостиная буквально сияла от чистоты. Пол блестел, пахло лавандой и свежестью. Клининг честно отработал свою цену.

В животе заурчало. Я не ел с ночи, если не считать энергетик и регидратант. Пора было исправлять ситуацию.

– Лекс, – сказал я, сбрасывая халат на диван, – Я голоден. Что посоветуешь сегодня из премиум-сервисов?

– Рекомендую «Гастрономическую лигу», – тут же откликнулся голос ИИ, – Их курьеры на электроциклах доставляют за двадцать минут. Меню на сегодня: мраморная говядина вагю с трюфельным пюре и спаржей, обжаренной на кедровом масле. Устрицы с икорным муссом. Десерт: шампанское сорбэ.

– Заказывай. И да, пусть привезут бутылку красного. Что-нибудь бургундское, не моложе двадцатого года.

– Уже оформлено.

Я прошел к панорамному окну. На улицу стемнело. Небо над Новосибирском было чистым, лишь мерцал синий купол. Город светился миллионами огней, голографические рекламные баннеры сияли между башен.

Пока ждал ужин, включил голограмму-ТВ. На фоне зажегся экран. Шло ток-шоу: двое ведущих и какой-то эксперт в строгом костюме спорили о войне.

«...но если их магия зависит от внешнего источника, почему мы не можем его блокировать?» – говорил один, размахивая руками.

Эксперт качал головой.

«Мы не до конца понимаем природу этого источника. Это не солнечная радиация в чистом виде. Возможно, это специфическое излучение, которое они научились аккумулировать...»

«Пфф. Еще один умник нашелся. Папа десять лет бился над этим вопросом, а они в прайм-тайм строят теории»

Выключил звук. Картинка осталась: красивые лица, инфографика, кадры с «Арены». Но без звука это было просто движущееся пятно.

Через двадцать минут, ровно как и обещали, в дверь позвонили. Курьер в отглаженной форме, термоконтейнер в руках. Я взял его, кивнул, закрыл дверь. Распаковал на кухонном островке.

Пахло восхитительно. Говядина лежала идеальным розовым срезом, трюфельное пюре отдавало земляным ароматом, спаржа хрустела. Устрицы – холодные, с перламутровым отливом. Вино дышало в бокале.

Я ел медленно, смакуя каждый кусок. Мысленно хвалил поваров и снова корил Михаила. Если бы он не свалил в отпуск, я бы сейчас ел что-то домашнее, а не ресторанное. Хотя, это было даже вкуснее.

После ужина и сорбэ я почувствовал приятную тяжесть. Хотелось немного поплавать в чистом бассейне, но пора было спать.

– Лекс, – сказал я, направляясь в спальню, – Ночной режим. Воздух на восемнадцать, легкий бриз, полная темнота. Шум океанских волн.

– Принято.

– И разбуди в одиннадцать. Кофе к 11:05.

– Будет готово.

Я повалился на кровать. Темнота сгустилась мгновенно, только слабый звук прибора где-то вдалеке.

Проснулся я от легкого дуновения. Воздух был свежим, пахло хвойным лесом. Темнота медленно рассеивалась, шторы сами отъехали, впуская утренний свет. Я потянулся.

Встал, прошел в ванную. Душ, бритва, чистка зубов, все как обычно. Одел простые шорты и футболку. Вышел в гостиную.

Тишина и идеальная чистота.

– Лекс, а закажи завтрак, все не привыкну что Миши нет.

– Рекомендую яичницу из яиц цесарок на трюфельном масле, с ломтиками прошутто и зеленым спаржевым муссом. Сок свежавыжатый из антоновки и мангостина. Кофе сорта «Гейша», уже готов.

– Супер, заказывай.

Пока ждал курьера, включил голограмму-ТВ. На экране снова светское ток-шоу. Две ведущие в кричащих нарядах улыбались во весь рот:

«...и новая коллекция от кутюр просто взорвала прошлую неделю! Но это еще не все – скандал с запрещенными генетическими модификациями у домашних динозавров! Владелица мини-тираннозавра утверждает, что это просто крупная игуана...»

Через пятнадцать минут завтрак был у меня. Я сел за стол и разложил свежую еду. Яичница выглядела шикарно: желтки идеальной формы, прошутто тончайшей нарезки, мусс ярко-зеленый. Сок в высоком стакане. Кофе в чашке дымился, от него тянулся аромат цветов и ягод.

Взял первый кусок. Вкус нежный, с оттенком трюфеля. Отличное начало дня.

На экране между тем перешли к новостям «Арены». Показали промо-ролик: два атланта, огонь и вода, зрители кричат. Ведущая сказала: *«Главный бой недели состоится сегодня вечером. Новые бойцы говорят, сильнее прежних. Ставки уже принимаются.»*

Я отпил кофе.

«Цирк, но посмотреть можно. Интересно, новые действительно сильнее?»

Выключил звук, но оставил картинку. Пусть себе мельтешат. Доел завтрак, допил сок. Пора было готовиться к свиданию.

После душа оделся подобающе: темные джинсы, футболку из умной ткани, которая меняла оттенок в зависимости от освещения, пиджак из тонкой кожи. Туфли без шика, но дорогие. Часы коллекционные, механические, с турбийоном. Серьгу вдел в левое ухо.

– Лекс, я уезжаю.

– Хорошо провести время, Святослав.

Спустился в подземный гараж. Здесь отец хранил свою коллекцию «аналоговой классики»: машины XX и начала XXI веков. Они стояли в ряд, начищенные до зеркального блеска.

Прошел мимо Ferrari F40, мимо старого Mercedes 300SL с крыльями-дверями, мимо электрического Tesla Roadster первого поколения. Остановился у Porsche 911 Turbo S 2015 года. Серебристый купе. Под 600 лошадей, разгон до сотни за три секунды. Отец купил его на аукционе, говорил, что это этап истории и хранил как экспонат.

Я потрогал капот

«Машины созданы, чтобы гонять. Глупо держать их под стеклом. Этот турбо как раз то, что надо»

Вспомнил, как пару месяцев назад врезался на Ferrari в какого-то идиота на летающем хOVERборде. Тот вылетел на красный, а я не успел затормозить. Отремонтировал потом машину, но осадочек остался. Хотя, виноват был он.

Открыл дверь, сел внутрь. Панель приборов: аналоговые стрелки и ЖК-экраны, никаких голограмм.

Нажал на кнопку запуска. Двигатель мощно заурчал. Вибрация прошла по всему телу. Современные машины тихие и скучные. А тут все настоящее...

Вывел из гаража, выехал на улицу. Ручное управление, никакого автопилота. Пришлось самому крутить руль, нажимать педали. Неудобно конечно. Но драйв и ощущения непередаваемые.

Центр города. Стеклобашенный небоскрёб вздымался в небо. Пентхаус Алисы на самом верху.

Подъехал к подъезду, оставил машину у тротуара. Поднялся на лифте. Двери открылись прямо в прихожую.

Алиса ждала. Безупречная, как всегда. Длинные ноги, идеальная укладка, платье, которое, казалось, было нарисовано на ней. Глаза блестели.

– Свят, привееет! – она бросилась ко мне, поцеловала. Пахло дорогими духами, – А я уже собралась, видишь! – она покружилась на месте, давая насладиться своей нескрываемой красотой.

– Привет, малыш. Вижу, вижу. Сегодня не придется тебя ждать, выглядишь кстати сногсшибательно! Поехали, я забронировал столик в нашем ресторане.

Она взяла мою руку, и мы спустились к машине. Алиса снова ахнула, когда я открыл ей дверь. Уселась осторожно.

– Ой, какой ретро-монстрик! Это не опасно?

Я ухмыльнулся.

– Опаснее, чем твой летающий пуфик. Поехали, я голоден.

Я завёл двигатель, вырулил на улицу. Двинулся резко, с пробуксовкой. Алиса вскрикнула, потом рассмеялась.

– Ты как всегда!

– А как иначе на таком аппарате?

Пока ехали, она болтала. О сплетнях, о покупке подруги: та купила остров в Тихом океане, но не весь, а только поверхность, недра принадлежат Коалиции. О новой подписке нейросети для подбора гардероба, теперь каждый день новый наряд, созданный специально для нее.

Я слушал вполуха, смотрел на город. Новосибирск 2050 это как Москва прошлого на максималках, только чище и выше. Гигантские голографические баннеры рекламировали импланты, летающие машины, туры на горнолыжные курорты, как будто всем нравится холод... Транспортные потоки многоуровневые: внизу ехали электрокары, выше летающие такси и личные джеты. Архитектура: сталинский ампи́р, переплетенный с хай-теком и бионическими формами. Зеленые вертикальные сады на стенах небоскребов. Чисто, ярко, технологично.

– ...и она говорит, что это совсем не больно, – доносилось от Алисы, – Всего лишь маленький чип за ухом, и ты можешь управлять домом силой мысли!

– Звучит жутко, – сказал я.

– Почему? Это удобно!

Я не ответил. Свернул к ресторану.

Ресторан на верхнем этаже огромной башни. Панорамные окна от пола до потолка, вид на весь город и на мерцающий купол на горизонте. Столы далеко друг от друга, тихая музыка, полумрак.

Нас провели к столику у окна. Я заказал морепродукты и белое вино, Алиса салат и коктейль.

Пока ждали еду, она выпила коктейль и стала еще разговорчивее.

– Свят, а ты не боишься, что полиция остановит? Ты же выпил.

Я посмотрел на свой бокал. Вино было холодным, с нотками цитруса.

– Не боюсь, – сказал небрежно, – Есть кому позвонить. Мой крёстный, дядя Вова, человек в очень высоких погонах. Решает любые вопросы. Расслабься и не переживай.

Алиса закивала, глаза округлились.

– Правда? А он... он может, например, достать пропуск на закрытую зону «Арены»? Говорят, там иногда устраивают приватные бои.

– Может, – сказал я, – Но я не прошу. Не люблю обязательства.

В этот момент в ресторан вошла группа. Пятеро молодых людей, все в дизайнерской одежде. И с ними два атланта.

Атланты были высокие, выше двух метров. Кожа, черты лица идеальные, но они словно пустые. Как будто оставили только оболочку. На них были элегантные костюмы, но на шеях массивные ошейники-подавители, стилизованные под украшения, но все равно видно, что это техника.

Они несли сумки, держались на шаг сзади. Не рабы в привычном смысле. Скорее живые аксессуары. Демонстрация статуса и безумного богатства. Цена такого «питомца»...

Алиса шепотом, с восторгом:

– Смотри! Это же новые модели! Говорят, у них даже магия послабее, чтобы безопаснее были если сорвутся. Моя подружка Катя, владелица журнала Glamour–2050, купила себе такого. Говорит, с ним очень... весело. Он такой сильный и... необычный.

Я взял бокал, сделал глоток.

«Весело? Это другой биологический вид, Алиса. Разумный. Их держат как животных, а она... Чёрт. Отец был прав. Это уродство...

Как же противно это всё»

Но внешне я только кивнул.

– Да, вижу.

– Я бы тоже хотела, но папа говорит, что это слишком дорогое развлечение, – продолжила Алиса, – Хотя, может, если ты попросишь своего крёстного...

– Не думаю, что это хорошая идея, – перебил я, – Они же опасные.

– Но с ошейником то нет!

Я резко сменил тему.

– Как там твоя подруга с островом? Она уже построила виллу?

Алиса переключилась легко. Заболтала о вилле, о дизайнерах, о бассейне с розовой водой.

Я слушал, кивал, но настроение было подпорчено. Доели почти молча.

Когда вышли из ресторана, было уже темно. Город светился, небо по-прежнему мерцало от купола.

Алиса прижалась ко мне.

– Куда дальше?

Я посмотрел на нее. За такими девушка бегают сотни парней, а она досталась мне. Но в этот момент мне хотелось не просто близости, еще хотелось забыться.

– Поехали ко мне, – сказал я, – У меня там... сюрприз.

Она улыбнулась, глаза заблестели.

– Какой?

– Увидишь.

Мы сели в Porsche. Я завел двигатель, вырулил на ночную трассу. Нажал на газ. Машина рванула с места, мотор заревел. Музыка включил на полную: какой-то старый рок отца.

Алиса кричала от восторга, смеялась, держалась за ручку двери. Мы мчались по пустым улицам, обгоняли такси, проносились мимо голограмм.

Я чувствовал только скорость, вибрацию руля, смех Алисы рядом. И пустоту внутри, которую пытался заполнить адреналином.

Домой примчались за двадцать минут. Влетели в гараж, я заглушил двигатель.

В прихожей я прижал Алису к стене, поцеловал. Она ответила с жадностью. Потом мы упали на ковёр, смеясь, срывая с друг друга одежду. Было жарко.

Потом лежали, дышали. Ковер был мягкий, в темноте только светились индикаторы умного дома.

– Так а какой сюрприз? – спросила Алиса, переводя дыхание.

– Вот этот, – сказал я.

Она рассмеялась.

– Дурак.

Но это было то, что нужно.

Проснулся поздно. Солнце уже высоко. Алиса спала рядом, ее тело грело своим теплом. Я посмотрел на нее, почувствовал удовлетворение и легкую пустоту.

Аккуратно встал, прошел в душ. Потом одел халат, пошел на кухню.

– Лекс, завтрак на двоих, на твой выбор.

– Принято.

Через полчаса Алиса вышла в моей футболке. Завтракали на террасе. Яичница-глазунья, круассаны, кофе, фрукты. Она улыбалась.

– Мне нужно в салон, – сказала она, – У меня сегодня бьюти-процедуры.

– Я вызову тебе такси, у меня тоже планы.

– Спасибо, малыш.

Она допила кофе, поцеловала меня в щеку. Я вызвал для нее «гала-такси» – летающее такси класса люкс. Проводил до двери, посмотрел, как она садится в белую капсулу. Она плавно взмыла и скрылась в потоках транспорта.

Вернулся в дом. Тишина.

Лекс заговорил сухим, механическим голосом:

– Святослав, ваш сердечный ритм нестабилен. Рекомендую заказать новый медицинский коктейль. Также напоминаю, что недавняя трата на такси для третьего лица...

Я вздрогнул. Голос Лекса в этом режиме действовал на нервы.

– Заткнись! – сказал я резко, – Выключи этот режим зануды. Ты надоел уже!

Пауза.

– Лекс, открой настройки личности. Активируй... протокол взаимодействия № 6. «Неформальный».

Еще пауза.

– Принято, босс. Буду стараться не читать морали. Хотя, знаешь, с твоим бюджетом это мой священный долг.

Голос Лекса изменился. Стал легче, с едва уловимой интонацией живого интереса, появились шутки и подколы. Я еще год назад баловался с настройками режимов для взаимодействия, номер шесть был настроен из лучших сцен моего любимого фильма, ну того, где Роберт Дауни мл. влезал в навороченный костюм. В основу лег его голос и манера речи. Помнится, сменил я его после похорон отца...

– Чем сегодня займёмся? Снова будем жечь деньги или есть что-то интересное? – продолжил Лекс.

Я улыбнулся.

– Вот так уже лучше. Спасибо, что спросил. Есть дела, надо закончить с работой и подготовиться к вечерней встрече.

Лекс, теперь уже в новом режиме, добавил:

– Кстати, ты забыл про объект «Образец». Сегодня восьмой день. Отец завещал интервал в семь дней с запасом. Он, вероятно, голоден. Или, как минимум, ждёт.

Я застонал.

– Ещё одна обуза...

– Не ной. Чти память, – подколот Лекс.

Я спустился в лабораторию. Прошел через Красный зал, к самой дальней стене. Там была неприметная дверь, без ручки. На панели набрал код: дата рождения матери. Я не знал ее, она умерла при моих родах. Осталась только дата, которую отец оставил в записях. Он выбрал этот пароль не просто так. Видимо, чтобы я не забывал, что она вообще была.

Дверь отъехала. Комната «Образца».

Небольшое помещение с красной периметральной подсветкой. Эта подсветка генератор поля-подавителя магической силы. Стоял легкий, неизвестный запах, не противный, но чужой.

В углу робот-уборщик. Все стерильно, бездушно. В комнате так же был отдельный, закрытый уголок: туалет, душ, стиральная машина. У его кровати шкаф с книгами, напротив стол, стулья и устройство для подогрева еды.

Атлант сидел на простой кровати. Рост где-то 2.3 м, все прищельцы были одинаковы в общих чертах. Фиолетовые глаза смотрели на меня не с ненавистью, а усталой грустью. Он молчал.

На кровати рядом с ним лежала книга: старый, потрепанный том. Я разглядел название: «Мастер и Маргарита» Булгакова.

«Опять книга. Папа всё пытался его... чему-то научить? Зачем? Он же не человек»

В шкафу стоял контейнер с едой. Простая, но питательная: каша, овощи, белок. Я достал его, открыл герметичное окошко в стене, поставил внутрь. Атлант медленно подошел, взял контейнер, кивнул. Никакой попытки общения.

– Воняет тут, Лекс, – сказал я, – Включи очистку на полную.

Лекс ответил:

– Включил. Знаешь, это же завет отца. Реально, чти память. Не будь козлом. Он считал его большим, чем просто образцом.

Я огрызнулся:

– Отец был гуманистом до мозга костей. А я... я просто наследую проблему.

Вспомнил, как много лет назад дядя Вова Прошин привез этого «списанного», якобы умершего атланта в подарок отцу. Секрет семьи. Отец изучал его, разговаривал с ним, пытался понять. А теперь это моя обязанность, не дать ему сдохнуть от голода.

Атлант сел за стол, подогрел еду, начал есть.

Я постоял еще минуту, потом вышел. Дверь закрылась.

– Святослав, – сказал Лекс, когда я вернулся в лабораторию, – Ты делаешь все правильно.

– Заткнись, – сказал я, но без злости.

Бремя. Контраст с легкостью утра стал еще острее.

Вечерело. Пора было готовиться к встрече с тем заказчиком.

Одел что-то неброское, но дорогое: темный костюм, простую рубашку, часы. Часы отца, еще один подарок от Прошина. Простые на вид, но с функциями записи, сканирования, связи и еще много чего. Шпионская штука.

– Лекс, я поехал.

– Удачи. Будь осторожен.

Я вышел из дома. Не стал брать Porsche. Сегодня нужна была практичная машина. Моя повседневная, электрический седан «Нептун». Черный, с плавными линиями, автопилотом, голографическим салоном.

Сел, сказал адрес: «Купол, бизнес-центр».

Машина плавно тронулась, выехала на улицу. Я включил автопилот, откинулся в кресле. За окном проплывал вечерний Новосибирск. Огни, реклама, летающие патрули Коалиции. На одном из билбордов анонс боя на «Арены»: «Огненный титан против ледяного призрака! Ставки до 22:00!»

Я смотрел, но не видел. В голове крутились мысли.

Кошечки для жён олигархов. Рабы для развлечения. Отец, изучавший разумных пришельцев. И этот новый клиент... Для чего личная встреча, мало что ли даркнета?

Машина плавно остановилась у не приметного входа в престижный бизнес-центр «Купол». Здание – стеклянный цилиндр, уходящий в небо.

Я вышел, поправил пиджак. Посмотрел наверх.

«Ну что ж, Матвей Ильич, показывай своего таинственного клиента. Посмотрим, что меня ждёт»

Сделал шаг к двери и вошел.

Глава 3. Игра на повышение

Контрольная панель в лифте была из матового стекла. Прикоснулся, и под пальцами всплыли иконки без надписей. Я ткнул в одну наугад. Ничего. Лифт плавно поехал вверх сам. «Умно. Значит, маршрут predetermined. Приватный лифт в приватные апартаменты» Стены что-то вроде тёплого камня на ощупь. Двери сомкнулись бесшумно, зазора не было видно.

Я посмотрел на своё отражение в матовой поверхности. Тёмный костюм, простая рубашка, часы отца. Выглядел нормально. Не пацаном, который пришёл за впечатлениями, а... деловым визитёром. Хотя внутри всё слегка подрагивало.

Лифт остановился. Надпись на табло лифта: ложа № 5. Двери разъехались беззвучно.

Прихожая размером с мой гостинный зал. Высокий потолок, тёмный паркет. Справа панорамное окно от пола до потолка, весь ночной Новосибирск лежал внизу. Слева стена с книгами.

И тишина. Гул города сюда не доносился.

Из глубины помещения вышел мужчина. Охрана? Нет. Слишком... спокойный. Одет в простой тёмный костюм, но сидел он на нём безупречно. Лицо знакомое. Я видел его на голографических билбордах каждый день, по дороге домой. «Goldman Logistics: всё для вашего комфорта». «Goldman Pharma: доверьте здоровье лидеру».

Алексей Алексеевич Goldman. Сын того самого олигарха, который слинял из Штатов в разгар первой паники в 2026-м и за пару десятилетий встроился в новую реальность так, будто всегда тут был королём.

«Сынок беглого капиталиста. Легальный король полумира. И что, чёрт возьми, ему нужно от меня? Заказать гипоаллергенного сфинкса в цвет новой яхты?»

Но атмосфера в этом огромном пространстве кричала об обратном. Здесь не было места глупостям. Матвей Ильич, банкир из прошлого века, не стал бы сводить меня с таким человеком из-за ерунды. Значит, дело в ином. И цена вопроса... я даже не хотел пока представлять.

Goldman приблизился. Улыбка не широкая, не гостеприимная. Скорее, знак того, что он меня идентифицировал.

– Святослав. Рад, что нашли время, – голос спокойный, ровный, без намёка на пафос или игру в хозяина, – Прощу.

Он жестом указал в сторону кабинета – туда, откуда он вышел. Внутри стояли два глубоких кресла у низкого стола из тёмного дерева.

– Коньяк? Или, как человек дела, предпочитаете трезвую голову?

Я сел, откинулся. Поза была немного нарочито расслабленной.

– Трезвую. Для коньяка у меня дома есть диван и любимый сериал. А сюда я приехал не расслабляться.

Goldman коротко кивнул, сел напротив. Его движения были плавными. Он взял со стола сигару, но не закурил, просто покатал её в пальцах.

– Матвей Ильич человек старой закалки и мой давний... партнёр по некоторым финансовым операциям, – он сделал небольшую паузу, давая понять, что «операции» это не вклады под проценты, – Если он дал твой контакт, значит, ты не просто умеешь тратить наследство Фёдора Викторовича. Значит, ты умеешь делать то, что он делал. А это, – он посмотрел на меня прямо, – меня интересует всерьёз.

Вот так. Без подводок, без намёков.

– Папа делал много чего, – сказал я, пожимая плечами, – От дизайнерских рыбок до... фундаментальных исследований. Уточните.

Goldman отложил сигару.

– Мой бизнес, как ты наверняка знаешь из рекламы, это логистика и фарма. Легальный, прозрачный, скучный, – он усмехнулся, – Но у мира, особенно мира людей с определённым уровнем дохода и определёнными... проблемами, есть спрос, который легальный рынок удовлетворить не может. Или не успевает.

Он встал, подошёл к окну, встал спиной ко мне.

– Рынок индивидуальных медицинских решений. Быстрых и эффективных. Без очередей, без комиссий по этике, без вопросов о происхождении биоматериала.

Я молчал. Внутри всё замерло.

– Мой предыдущий канал поставки таких решений, – продолжил он, – Перестал существовать. Коалиция взялась за биоэтику с таким рвением, будто от этого зависит исход войны. Сажают, конфискуют, отправляют «добровольцами» на линию фронта. Глупо, иррационально, но это факт. Окно возможностей открылось. И мне нужен новый поставщик.

Он повернулся. Его лицо было серьёзным, деловым.

– Конкретно: мне нужен продукт, который решит проблему совместимости. Универсальный. Печень, почка, лёгкое, фрагмент кости, сосуд – что угодно. Чтобы можно было взять с полки, пересадить, и организм реципиента принял это как родное. Без пожизненной иммуносупрессии, без риска отторжения. Звучит как фантастика, не правда ли?

Он сделал паузу, глядя на меня.

– Для большинства – да. А для сына Фёдора Волштейна?

В голове начался хаос. Мысли понеслись обрывками, кусками теорий, обрывками отцовских фраз, услышанных за работой в лаборатории.

«...редактирование эмбриональных линий... создание тканей-«хамелеонов»... тупиковый путь без понимания гомеостаза атлантов... бросил, не стал углубляться... считал это этически сомнительным...»

Я улыбнулся и откинулся в кресле ещё глубже, забыв про позу.

– Вы говорите об устранении главного барьера трансплантологии: гистонесовместимости, – мой голос прозвучал тише, но чётче. – Теоретически... через создание искусственной линии плюрипотентных клеток с «нулевым» иммунным профилем и встроенными генами универсальной толерантности... – я посмотрел в пространство, будто видя перед собой схемы, – Да. У отца были черновые наброски. Целая папка. Он называл это «побочным проектом». Говорил, что это технически возможно, но биологически... безвкусно.

Голдман медленно кивнул.

– Вот и отлично. Я не ошибся. Ты не завёл речь об этике – ты начал думать о механике. Мне такие люди нужны.

Он вернулся к креслу, но не сел.

– Теперь о практическом. Аванс за вступление в проект – пять миллионов кредитов. На закупку всего, что тебе понадобится. Оборудование, реактивы, чистое помещение, я обеспечу. Каждая успешная, работоспособная «единица», прошедшая доклинические тесты, – еще миллион. Годовая эксклюзивность на твою методику – пятьдесят миллионов. Плюс процент с каждого применения.

Цифры начали крутиться в голове. Они были нереальными. Шесть месяцев до банкротства? Они испарились полностью. С этими деньгами можно было не работать до конца жизни. Или... купить себе... да вообще что угодно!

– В дополнение, – продолжал Голдман, будто читая мои мысли о деньгах, – Ты параллельно будешь получать заказы от моих... знакомых. Дизайнерские питомцы, коррекция наследственных дефектов у детей, омоложение на клеточном уровне для уставших жён. Всё, что любит богемная клиентура. Это будет твой дополнительный доход.

Я закатил глаза. Не мог сдержаться.

– Кошечки для жён олигархов. Да, с таким работаю. Деньги же не пахнут, верно?

– Совершенно верно, – Голдман наконец сел и позволил себе лёгкую улыбку, – Тогда перейдём к делу. Вернее, к ужину. Я голоден. И, кстати, у меня для тебя есть небольшое... зрелище.

Он нажал на скрытую в столе панель.

– Сергей, все готово? Просим нашего шефа.

Из-за дальнего книжного шкафа, который оказался потайной дверью, вышел человек. Вернее, атлант.

На нём были простые, но хорошо сшитые штаны и рубашка свободного покроя. И ошейник. Не тот показной «аксессуар», что я видел в ресторане, а массивный, технологичный блок из матового серого металла, плотно облегающий шею. На нём горели мелкие синие индикаторы.

Атлант не смотрел по сторонам. Его фиолетовые глаза были прикованы к пространству рядом с Голдманом. Полное отсутствие воли. Живой инструмент.

– Не бойся, он под полным контролем, – сказал Голдман, – И он лучший шеф-маг в городе. Точнее, в этом городе и в этом круге. Уверен, ты такого ещё не видел.

К нам подкатил сервировочный стол с продуктами: мясо, овощи, зелень, специи. Атлант подошёл к нему. Он не взял нож. Он просто поднял руку.

Воздух над стейком задрожал и сфокусировался в сфере. Мясо внутри неё начало медленно вращаться. Цвет из алого стал переходить в аппетитный коричневый. Инфракрасное поле. Точно контролируемое по температуре со всех сторон.

Овощи на другой тарелке приподнялись и зависли в воздухе. Вокруг них закрутился вихрь из раскалённого воздуха и мелких капель масла. Они пассеровались, равномерно обжариваясь со всех сторон. Зелень была порвана не руками, а точными срезами невидимых лезвий из сжатого воздуха.

Это не было кулинарией. Это был перформанс. Сложный, изощрённый, бессмысленно дорогой. Демонстрация своей власти: я не просто купил раба, я заставил разумное существо, чья магия могла испепелять, готовить мне ужин. Смотри и восхищайся. Или смотри и понимай, с кем имеешь дело.

Первая волна – отвращение, к самой сути этого действия. Потом включился мозг. Аналитическая часть, та, что досталась от отца.

«Интересно... Ошейник. Он не подавляет магию полностью? Он её фильтрует. Дозирует. Разрешает только тонкие, контролируемые манипуляции с энергией. У них доступ к свежим, сильным атлантам. Или... технологии подавления нового поколения. Военные наработки?»

Отвращение приглушилось. Его оттеснило любопытство и жёсткое осознание: передо мной человек, для которого магия – это не угроза и не феномен, а... сервис. Уровня «включи свет» или «поджарь стейк». Я не могу повлиять на устои таких людей, хотя иметь разумных рабов, пусть. В конечном итоге это не мое дело.

Блюда, приготовленные в воздухе, плавно опустились на тарелки. Аромат ударил в нос: идеально поджаренное мясо, травы, перец. Атлант отступил на два шага и замер, уставившись в пол.

– Спасибо, Эйос, – сказал Голдман без особой интонации. Атлант развернулся и так же бесшумно скрылся за потайной дверью.

Мы начали есть. Еда была безупречной. И от этого было ещё противнее.

– Война есть война, – сказал Голдман, как бы между делом, разрезая мясо, – Они сожгли пол-континентального побережья, когда высаживались. Мы превращаем их в прислугу и гладиаторов. Баланс сил, ничего личного. Они не выносят наш холод и нашу атмосферу без постоянной подзарядки, мы не можем окончательно подавить их магию в их же биоме. Так и живём. Патовая ситуация, обоюдо патовая.

– Про комету, – спросил я, отодвигая тарелку, доев свой кусок, – Правда, что наши попытались сбить одну из их «зарядок» на подлёте?

Голдман хмыкнул.

– Правда. Гениальное стратегическое решение, да? Ослабить врага. Только они не учли, что комета была не просто батареей. Она была... частью их системы навигации, связи, чёрт знает чего ещё. После удара они не ослабли. Они озверели. Теперь на границах не патовая линия, а ад. Наши «краткосрочные победы» оборачиваются долгосрочным бардаком.

Он отпил коньяк.

– Но здесь, под куполами, нам до этого ада далеко. Здесь другие правила и другие возможности.

Я больше слушал, чем говорил. Задавал точные вопросы: о источниках энергии для ошейников, о длительности жизни атлантов в неволе без доступа к «зарядке», о том, как их транспортируют. Голдман отвечал охотно, видя во мне не моралиста, а технократа, оценивающего инструментарий.

Когда ужин закончился, он вручил мне не визитку, а маленький голографический чип.

– Одноразовый канал. Активируешь – выходишь на моего оператора. Он решит любые вопросы по ресурсам: оборудование, образцы тканей, безопасная транспортировка. И полная тишина вокруг, – Он посмотрел на меня оценивающе, – Хотя, у тебя, наверное, своя лаборатория есть? Не хуже?

В его взгляде было знание. Матвей Ильич наверняка рассказал о моей подпольной практике.

– Вполне, – сухо ответил я.

– Тогда отлично, – он встал, давая понять, что встреча окончена, – Обдумай. Позвони, когда будешь готов. Или когда понадобятся те самые ресурсы. И, Святослав... – он на мгновение задержал мой взгляд, – добро пожаловать в лигу, где твой талант это капитал. А не хобби для развлечения скучающих богачей.

Обратная дорога. «Нептун» на автопилоте плыл по ночным улицам. Я выключил голографическую панель, остались только тусклые огни приборов и свет фар впереди.

В голове не хаос, а чёткий, холодный расклад. Как после подсчёта карт в колоде.

Деньги. Огромные деньги. Не просто чтобы протянуть ещё полгода. Чтобы купить себе... всё. Не свободу от работы – власть. Возможность не бегать за заказами, а диктовать условия. Или просто забыть обо всём и сваливать на какой-нибудь частный остров, купленный у Коалиции. Но мысль о побеге была не главным.

Вызов. «Универсальный орган...» Отец считал это побочным, тупиковым путём. Говорил, что главное понять принцип гомеостаза пришельцев, их способность регенерировать и не стареть. «Тогда и органы станут ненужными, Свят. Мы сможем просто... запускать процессы в своём теле». А я? Я возьму его черновик, его «побочный проект», и доведу до конца. То, от чего он отказался. Решу задачу, на которую он махнул рукой. Из... азарта. Чтобы доказать. Себе? Ему, призраку? Неважно.

Азарт. Настоящий, живой азарт. Игра с Голдманом – игра на грани. Игра с наукой против законов биологии. Игра с системой Коалиции, с её биоэтическими комитетами и военным положением. Это не рулетка, где полагаешься на удачу. Это шахматы. На огромной, опасной доске, где фигуры живые клетки, а ставка твоя жизнь и свобода.

Риск. А куда без риска? Тюрьма. Или, что более вероятно, «добровольный» штрафбат на линии фронта с атлантами. Смерть не от старости в своей постели, а от магического пожара где-нибудь в промёрзшей тайге. Риск есть. Но этот риск... он грел изнутри. Я всегда любил казино. Любил ставить на зеро. А тут ставки были выше, и шансы... шансы я мог просчитать сам.

Машина плавно завернула на мою улицу. В окнах соседних особняков горел свет.

Мысль перед домом оформилась окончательно:

«Если не я, то он найдёт кого-то другого. Какого-нибудь талантливый хама с дрожащими руками, который всё сделает топорно. Лучше уж я. Сделаю хорошо и возьму свою цену»

Дома было тихо. Лекс приглушил свет, зажёл только бра у дивана.

– Приветствую, босс. Как встреча? – спросил он голосом, в котором было больше живого интереса, чем в половине моих знакомых.

– Продуктивно, – бросил я, снимая пиджак, – Отложи все мои планы. Я иду в бассейн, потом в баню. Подготовь все по полной программе.

– Ритуал очищения? Серьёзный разговор.

– Молодец, что догадался. Готовь чай, крепкий. И разблокируй доступ к «Кроносу» по протоколу «Наследство».

– Уже делаю.

Вода в бассейне была прохладной. Я нырнул с разбега, и холод ударил по всему телу, вытесняя остатки мыслей о Голдмане, об этике, о деньгах. Осталось только тело и сопротивление воды. Я грёб от борта к борту десятки раз. Мускулы горели, лёгкие жадно хватали воздух. Физическая усталость вытесняла ментальный шум, смывала чувство от ужина-перформанса.

Потом баня. Настоящая, русская, которую построил ещё отец. Кирпичная печь, полки из липы, запах дубового веника, запаренного в ведре. Я зашёл, сел на нижнюю полку. Жар обволакивал, проникал в каждую пору. Пот выступил мгновенно. Взял веник, стал хлестать себя по спине, по ногам. Боль была острой, чистой, освобождающей. После третьего захода вылил на раскалённые камни ковш ледяной воды из купели. Пар ударил, обжёг лёгкие и глаза. Выскочил из парилки и нырнул в ледяную купель.

Вылез, завернулся в простыню. Голова была пустой. Хотя, скорее чистой от лишнего. Как говорил отец: «После хорошей бани в голове остаётся только главное. Всё лишнее выкипает.»

В лабораторию спустился глубокой ночью. В старом халате, с большим кружкой крепкого чая. «Кронос», главный терминал отца, гудел тихим, ровным звуком. Алая подсветка ламп казалась в этот раз не тревожной, а деловой. Рабочей.

Сесть в кресло было ритуалом. Прикоснуться к гало-клавиатуре началом.

– Лекс, поиск в архивах Ф.В. Ключевые слова: трансплантология, универсальный донорский материал, проект «Химера».

– Ищем.

На экране поплыли строки кода, списки файлов, зашифрованные папки. Большинство названий было на устаревшем профессиональном жаргоне двадцатых-тридцатых годов. Исследования на свиньях, попытки ксенотрансплантации, генные модификации животных для выращивания человеческих органов... Всё это было пройдено и заброшено ещё до Войны. Тупики.

А вот дальше... появились файлы с другой маркировкой. «Человеческие ИПСК. Редакция НЛА». «Синтетическая иммунорегуляторная кассета v.4.7». «Моделирование аутоиммунного ответа *in silico*».

Сердце забило чаще.

Я открыл центральную папку. Название: проект «Химера». Теоретическая модель ткани с адаптивным иммунным ответом».

Внутри не готовые формулы, а горы данных. Схемы редактирования человеческих индуцированных плюрипотентных стволовых клеток. Целенаправленное подавление целых кластеров генов главного комплекса гистосовместимости второго класса. Вставка искусственно созданных последовательностей, которые должны были «обманывать» иммунную систему реципиента, заставляя её воспринимать чужеродную ткань как повреждённую свою. Гениально.

В самом конце лежал текстовый файл. Последняя запись отца в этом проекте:

«Теоретическая модель устойчива. Практическая реализация упирается в фундаментальное противоречие. Чтобы ткань была по-настоящему «универсальной», необходимо пода-

вить не только отторжение, но и её собственную способность к саморегуляции. Риск: создание клеток-зомби с неконтролируемой пролиферацией. Фактически – раковая опухоль, которую иммунитет не увидит. Либо, при ошибке в кассете толерантности, – триггер для массовой ауто-иммунной атаки у реципиента. Пандемия, созданная в пробирке. Этика вторична. Риск для биосферы неприемлем. Проект заморожен. Архив зашифровать по протоколу «Янус». Ключ – ...»

Дальше шёл набор символов, который я не смог распознать. Отец не просто бросил проект. Он похоронил его и спрятал ключ.

Азарт во мне вспыхнул с новой силой. Он испугался. Мой гениальный, осторожный, гуманист до мозга костей отец испугался последствий. Он увидел пропасть и отступил.

А я... я увидел в этом вызов. Не решить задачу, которую он решить не смог, а решить задачу, которую он решить не решился. Перепрыгнуть через его этические барьеры, через его страх. Создать то, что он счёл слишком опасным для создания.

– Лекс, – сказал я вслух, не отрывая глаз от экрана с отцовским предупреждением.

– Слушаю, босс.

– Резюмируй ситуацию. Всё, что у нас есть.

ИИ сделал театральную паузу, будто собираясь с мыслями.

– Итак. Ты только что согласился работать на теневого олигарха, чтобы продолжить опаснейший эксперимент твоего покойного отца, который тот сознательно заморозил из-за риска создать биологическое оружие или спровоцировать глобальную эпидемию. И все это ради астрономических денег и потому что тебе, цитирую: «интересно». Я правильно всё записал в протокол?

Я ухмыльнулся. Набрал на клавиатуре команду для расшифровки оставшихся данных по проекту «Химера», игнорируя предупреждение системы о недостаточном уровне доступа.

– Почти. Пропустил часть про профессиональную реализацию и спасение папиных наработок от рук варваров вроде Голдмана или какого-нибудь другого жадного доцента. Но в целом да. Теперь делом займёмся. Запускай симуляцию по протоколу «Химера», вариант 4–А. Возьми за основу данные из архива «Дельта» – банк тканей отца. И открой чертежи биореактора в секции «Синтез».

На экране «Кроноса» ожили схемы, графики, трёхмерные модели клеточных структур. Мир сузился до размера монитора-проекции.

– Будет сделано, – ответил Лекс, и в его электронном голосе я уловил что-то вроде... одобрения. Или просто точного следования протоколу «Неформальный», – А ответ Голдману? Ждёт же.

Я сделал паузу. Взгляд скользнул по алым лампам, по стерильному блеску стали и стекла вокруг. Здесь был мой мир. Здесь были мои правила.

– Отправь, – сказал я тихо, но чётко, – Сообщение. Текст: «Волштейн. Входной билет принят. Работу начал.»

– Отправлено.

Я откинулся в кресле. Вне стен лаборатории ночная мгла медленно отступала, уступая место холодной синеве. Я не спал. Не чувствовал усталости. Впервые за долгое время – не со смерти отца, а, кажется, за всю свою взрослую жизнь, я работал не потому, что нужно было заработать на жизнь. Не потому, что скучно. А потому, что я горел азартом. Вызовом. Жаждой сделать то, что считалось невозможным. Или недопустимым.

Последняя мысль перед тем, как погрузиться в поток данных, была обращена к призраку, который, наверное, до сих пор витал где-то среди этих красных теней.

«Ну что, пап... Ты боялся создать монстра. А я, может быть, создам панацею. Для тех, кто этого не заслуживает. Какая, в сущности, разница? Главное что я смогу. И что это будет моё достижение.»

На экране «Кроноса» завертелись первые симуляции. Начинаясь новый день.

Глава 4. Рабочие будни и неожиданный гость

Три дня.

Три дня мои глаза наблюдали лишь за голографическими проекциям «Кроноса». Кофе, энергетики и питательные смеси подпитывали меня, но сна не хватало катастрофически. Я держался на чистом энтузиазме ученого, хотя по факту таковым не являлся.

На основном экране висели два окна:

Слева официальная расшифровка генома атланта. Главный труд моего отца. Тот самый, что принёс ему славу и кучу неприятных вопросов от военных. Аккуратные цепочки нуклеотидов, маркированные гены, отвечающие за синтез меланоцидов фиолетового спектра, за плотность костной ткани, за тот самый хитрый метаболизм, что позволяет жрать нашу пищу и преобразовывать солнечный свет в... ну, во всё остальное. Идеальная работа организма. Слишком идеальная.

Справа мои симуляции. Проект «Химера». Я пытался прикрутить принципы их гомеостаза к человеческим клеткам. Суть в том, чтобы заставить трансплантат не просто прижиться, а быть невидимкой для иммунитета. Как у них. Их клетки не стареют, почти не накапливают ошибок, а чужака отторгают мгновенно и тотально. Механизм должен быть на уровне фундаментальных сигнальных путей.

И я упирался в стену.

Не в техническую, а в логическую.

В папиной расшифровке были участки, помеченные как «некодирующие повторы с неясной функцией» – мусорная ДНК, которой у любого организма вагон с тележкой. Но здесь... Здесь структура повторяющихся последовательностей была подозрительно симметричной. Не хаотичный набор букв, а будто... криптографический ключ. Или заглушка. Отец был педантом. Он бы не оставил такую аномалию без комментария. Пусть даже в личных заметках на полях. Значит, комментарий удалили. Или сам участок это подстава, муляж, вшитый в официальный отчёт.

Я похрустел пальцами и откинулся в кресле.

«Папа, что ты тут спрятал? – подумал я, уставившись в мерцающие строки, – Боялся, что какой-нибудь ретивый полковник медслужбы полезет ковыряться? Или... боялся, что я найду?»

Холодок пробежал по спине. Предупреждение в папином дневнике о рисках «Химеры» звучало предельно ясно. Но если он скрыл часть данных... Тогда его выводы могли быть неполными. Или, наоборот, ключ к безопасному решению лежал как раз в этих «слепых пятнах».

Мне нужны были свежие данные. Не архивная пыль, а живой образец. Провести секвенирование заново, со своими протоколами, заточенными не под подтверждение официальной версии, а под поиск нестыковок.

– Лекс, – голос стал хриплый от молчания, – Готовь список для забора образцов у «Образца» на завтра. Мазок слюны, соскоб эпителия со щеки. Без крови. Кровь – последний вариант, только если всё остальное даст ноль»

– Понимаю, – отозвался ИИ, – Риск магического всплеска через подавитель оценивается в 3.7% даже при заборе капиллярной крови. Неприемлемо высокие цифры. Стерильные контейнеры и скальпель-тампон будут готовы к 08:00.

Я кивнул, глаза снова обратились к экрану. Аномальные повторы подсвечивались мягким алым – мой любимый цвет для пометок. Их было немного, но они были. Как заноза в идеальном организме работы отца.

Азарт грел меня изнутри. Это была уже не игра Голдмана. Это была игра с самим Фёдором Волштейном.

Голова сильно гудела от перенапряжения. Я потёр виски, но это не помогало. «Кронос» выполнял сложные протоколы проверок, лампы под потолком лили красноватый свет. Пора было сделать перерыв.

– Лекс, покажи, что там висит по заказам. Что я благополучно проигнорировал последние... сколько?

– Семьдесят два часа, – тут же ответил ИИ, – Приоритетный клиент «Вершина» напоминает о себе в пятый раз. Цитирую последнее сообщение: «Если в течение 24 часов не увидим подтверждения передачи эмбриона на фабрику, обратимся к конкурентам из «БиоРоскоши» и обеспечим вам бан в тендерных списках всех наших знакомых». Тон, на мой скромный взгляд, нервный.

– Ну и иди ты... – начал я, но голос поник. Деньги. Эти дурацкие, вонючие, прекрасные деньги. Goldman заплатит потом, сорить сейчас его авансом будет по меньшей мере глупо. А «Вершина» платит сейчас, – Ладно. Загружай финальный дизайн из черновиков. Сиамский окрас, шиншилловый отлив, глаза изумруд-4, ген неаллергенности версии четвёртой. Всё сверь и гони на фабрику «Генезис». По сверхсрочному тарифу.

– Стоимость возрастёт на сорок процентов.

– Выставляй на тридцать процентов больше клиенту. Пусть платят за хамство. В примечании напиши: «За срочность – доплата. За угрозы – обучение этикету как подарок».

– Остроумно, – почти без иронии констатировал Лекс, – Есть ещё одно входящее. Не от Матвея Ильича. Пришло по даркнет-каналу, уровень шифрования любительский.

На втором экране возник текст. Короткий, без украшений.

«Нужен морозоустойчивый лук шалот для общины «Северный луч» (координаты прилагаются). Лицензия Коалиции стоит как три наших урожая. Помогите, если можете. Оплатим, чем сможем: рыбой, ягодами, вяленым мясом.»

Я замер. В голове вдруг отозвался папин голос, усталый, после одной из таких же ночных бдений:

«Наука должна служить не только тем, кто может за неё заплатить, Свят. Иногда один модифицированный гриб спасает целое поселение от голода. Помни об этом хотя бы иногда.»

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Я вздохнул так глубоко, что закружилась голова.

– Лекс, пришли им стандартный NDA. Скажи, что сделаю бесплатно. Но пусть рыбу пришлют копчёную. А ягоды... обязательно бруснику. Малину тут каждый дурак выращивает.

Пауза. Кажется, даже ИИ был ошарашен.

– Ты уверен? Временные затраты на проект «Лук»...

– Да уверен, уверен я! – рявкнул я, – Просто сделай. И сведи всё в итог. Что по «Химере», что по этим... благотворительно-коммерческим подвигам.

Лекс быстро отчитался: углублённый анализ генома, ожидание образцов. Заказ «Вершина» закрыт, счёт с наценкой выставлен. Заказ «Северный луч» в работе, оплата натурой, ориентировочная стоимость для внутреннего учёта – ноль. Но внутри чувство удовлетворения.

«За пять минут я успокоил истеричку-олигарха и, возможно, спас кучу людей от голодной зимы. Голод, спас от голода луком? Ну и бред же у меня в голове»

– Всё, – выдохнул я, – Я валюсь уже. Буду жрать тот батончик из армейского пайка дяди Вовы и отрубаться. И да... Ключевое: выгрузи всё с часов отца. Аудиозапись с Goldmanом, лог сканирований, всё-всё. Сбрось на «Кронос» в архив «Инвестор», шифрование по максимуму. Сами часы почисть до состояния «только что с завода». Таскать такое на себе идиотизм уровня «прострели себе яйцо».

– Выполняю, – голос Лекса стал тише, деловитее, – Рекомендую отбой. Твои биометрические показатели напоминают данные трупа после трёхдневной мариновки.

– Спасибо за заботу, – пробормотал я, выключая терминал.

Я добрался до кухни, нашёл в дальнем шкафу заветную коробку с надписью «ИРП-2050». Вытащил батончик «Гречка с говядиной». Вкус: ностальгия по казарменной юности, которой у меня не было. Но дядя Вова считал иначе и регулярно снабжал меня этим «стратегическим запасом». Жёстко, сухо, противно. Идеально в текущей ситуации. И когда, блин, Миша вернется с отпуска..?

Запивая водой, я побрёл в спальню. Свет автоматически приглушился.

– Лекс, режим сна. Восемнадцать градусов, ионизация на максимум, звук – ветер в хвойном лесу. И запах, запах тоже хвоя.

– Активирую.

Я повалился на кровать, лицом в прохладную подушку. Сознание начало уплывать. Ещё секунда...

РЕЗКИЙ, ДРЕБЕЗЖАЩИЙ ЗВОНОК.

Не домофон. Не вибросигнал импланта. Настоящий, старомодный, громкий как сирена звонок в парадную дверь. Тот самый, который отец поставил «для солидности и на случай отключения умного дома». Он резанул по ушам болью.

Я вздрогнул.

– Лекс! – выдохнул я, не открывая глаз, – Кого чёртовы собаки принесли в... который час вообще?!

– Семь часов семнадцать минут до полудня, – ответил ИИ, и его голос звучал тише и настроеннее обычного, – Сканирование у парадного входа... Владимир Владимирович Прошин, твой дядька. Биометрия совпадает. Уровень доступа – полный.

В животе всё сжалось в ледяной комок.

– Ё-маё... – прошептал я, – Опять. Лекс,пусти его. Скажи... скажи, щас приду. Через минуту.

Натянул первые попавшиеся домашние штаны и мятый свитшот.

Он был уже на кухне. Стоял спиной, тыкал своим огромным, похожим на сардельку, пальцем в сенсорную панель кофемашины, ворча что-то себе под усы.

– ...Мы, в армии, зёрна мололи и в турке на огне варили! А вы, молодежь, кнопки тычете, да по воздуху руками водите... А, Святослав! Здравово! Чего морда кислая, не рад дядьке?

Владимир Владимирович Прошин. Лет сорок пять, не больше. Но выглядел так, будто мог голыми руками согнуть стальную балку. Крепкий, без намёка на лишний жирок, весь какой-то... плотно сбитый. Короткие волосы ёжиком, щетина на щеках, и главное украшение – большие, пышные, идеально ухоженные усы. Он был в простой тёмной куртке, но держался в ней как в парадном мундире: плечи расправлены, спина прямая. От него тянуло холодом, лёгким запахом табака и мятной жвачки.

– Дядь Вов, привет, – хрипло выдал я, – Конечно, рад... Просто не ждал в такое время.

Он развернулся, и прежде чем я сообразил, меня уже стиснули в медвежьих объятиях. Захрустело что-то в спине, в плечах.

– Ох, полегче, – закричал я, – Я же не солдат тебе...

– Вырасти сначала, – хмыкнул он, отпуская, – Кофе твой, кстати, ничего. Пахнет хорошо. Это я одобряю.

Он взял две чашки, одну сунул мне в руки. Сам присел на высокий барный стул, положил локти на столешницу. Сидел, как на совещании.

– Ну, как дела? Работаешь? – спросил он деловито, пристально глядя на меня через пар от чашки.

– Работаю, – кивнул я, делая глоток. Горячая жидкость обожгла язык, – Проект... один перспективный. Вчера почти всю ночь сидел.

– А по хозяйству всё в порядке? «Образец» как поживает? – он произнёс это слово без особой интонации, но я знал, что это проверка. Только мы двое знали о пленном атланте в подвале.

– В порядке. Кормил по графику. Спокойный, вроде.

– И с девчонками не заигрался? С этой... как её, Аллой?

– Алисой, – поправил я, – Да нет, так... Виделись пару раз на неделе.

Прошин хмыкнул, отпил кофе, поставил чашку со стуком. Звук отозвался в тишине кухни чересчур громко.

– Ну, хоть не совсем бездельничаешь. А то я смотрю, только и делаешь, что наследство проматываешь на вечеринки да тачки. Да-да, про «Грифона» знаю. Видел отчёт. Красавец. И цена... ужас. Прямо как ракета малая.

Мне стало жарко. Я опустил глаза, начал вертеть пустую чашку в руках. По коже забегали мурашки.

– Деньги же мои... – начал я слабо.

– Твои, твои, – отмахнулся он, – Пока твои. Ну-ка, покажи-ка мне ту свою Алису. Не стесняйся. На словах одно, а на деле, это ж поглядеть надо!

Я вздохнул.

– Лекс, выведи лучшее фото. То, с пляжа.

Над столом всплыла голограмма. Алиса в микро-бикини, на фоне какого-то белоснежного яхт-клуба, смеётся, закинув голову. Фото было откровенным, даже по нынешним меркам.

Прошин свистнул, длинно и одобрительно.

– Ну ты и гусь, Свят! Губа не дура, что сказать... Вид, конечно, радует глаз. Молодец. Не дурак.

Я попытался улыбнуться, чувствуя себя идиотом. И в этот момент Прошин ударил ладонью по столешнице.

БАМ!

Чашки подпрыгнули, ложка звякнула о пол. Я вздрогнул всем телом.

– А **ВООБЩЕ-ТО ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ, ТЫ ЧТО, СОВСЕМ ОХРЕНЕЛ?!** – заревел он, вскакивая. Стул с грохотом полетел на пол, – **ПЯТЬ ЛЯМОВ ЗА МЕСЯЦ ИЗ ФОНДА! ПЯТЬ! А? ТЫ МЕЛКИЙ ГАДЁНЫШ, ДА Я ТЕБЯ...!**

Он сделал шаг вперёд. Его лицо, секунду назад улыбающееся, стало пурпурным от ярости, глаза сузились. Это не было игрой. Это была чистая, неконтролируемая злость полковника, увидевшего, как его подопечный тупо сжигает ресурсы. Инстинкт сработал сам собой. Я отшвырнул чашку и рванул из кухни в гостиную. Сердце бешено колотилось. Сзади слышались тяжёлые, быстрые шаги. Я не ожидал, что он так быстро бежит в свои то годы.

Я нырнул в зону бассейна, оббежал сбоку, скользнул по мокрому полу и замер у самой кромки воды. Прошин ворвался следом, остановился в пяти метрах, дыша ровно и глубоко. Мы стояли друг напротив друга, разделённые голубой гладью воды.

– Ладно, хватит! – рявкнул он вдруг, и яростное напряжение с него будто сдуло. Он махнул рукой, – Иди сюда! Ещё полковник Коалиции будет за шалопаем бегать!

Я, всё ещё на взводе, медленно, недоверчиво, сделал шаг. Потом ещё. Когда до него оставалось два шага, он молниеносно качнулся вперёд, сделал подсечку. Я по инерции полетел, он ловко поймал меня за кофту у груди, и следующее, что я ощутил – ледяной шок и глоток воды.

БУЛТЫХ!

Я плюхнулся в бассейн с размаху, в одежде. Холодок обжег кожу. Я всплыл, отплёвываясь. Прошин стоял на бортике, поправляя усы, и довольно смеялся.

– Ладно, герой-любовник, вылезай. Сушись. Пойду твой кофе допью – всё же крепкий, выливать жалко.

Он развернулся и ушёл обратно на кухню, оставив меня барахтаться в воде. Злость, унижение и дикое облегчение, что всё обошлось без переломов, смешались в комок в горле. Я выбрался, струйки воды тянулись за мной по полу.

В ванной я скинул мокрую одежду в шлюз, включил термосушку. Стоял голый перед зеркалом, вытирая лицо. И замер. Глядя на своё отражение: на рельефный пресс, на чёткие мышцы плеч, на широкую грудную клетку. Я ведь не хожу в зал. Откуда это? Папины гены? Или... что-то большее? Мысль скользнула так же быстро, как и ушла.

Оделся в сухой домашний костюм, вернулся на кухню. Дядя Вова спокойно допивал кофе, сидя на том же барном стуле.

– Шутки шутками, Святослав, – сказал он уже без смеха, голос ровный, отеческий, – Но ты распоясался. Надо мне опять счета заблокировать? Или в то «санаторное учреждение» на недельку? Помнишь, как после похорон отца там отдыхал?

Я содрогнулся. Помнил конечно. Две недели в клинике с мягкими стенами. Капельницы, беседы с психологом, ноль доступа к деньгам, к сети, к лаборатории. Белый, стерильный, тихий ужас.

– Не-не-не, дядь Вов, не надо! – слова вырвались сами, голос дрогнул, – Я... я сейчас сам зарабатываю! Проект серьёзный, я тебе говорю!

Он пригляделся ко мне. Взгляд был тяжёлым, оценивающим.

– А, ну ладно. Видок у тебя и правда паршивый – глаза красные, мешки. Я уж думал, не балуешься ли чем... Шучу, не сердчай. Кто-то же должен тебя за шкуру трясти. А то отец просил... – он не договорил, махнул рукой, – Я поехал. Звони, если что. И к Сашке заезжай, а то вы с ним что-то давно не виделись.

Санька. Александр, сын дяди Вовы. Мой ровесник. Вырос в казарме, но умный зараза. С ним можно было говорить, не притворяясь.

– Да, времени нет... – пробормотал я. – Дела, девушки...

– Ага, и купание в бассейне, – ухмыльнулся он, поднимаясь. – Ну бывай.

Он протянул руку. Я пожал её. Рукопожатие было таким, что кости хрустнули. Потом он развернулся и вышел, не оглядываясь. Через минуту снаружи взревел двигатель какого-то мощного внедорожника, звук постепенно затих вдалеке.

Я остался один среди тишины, даже Лекс не явился. Адреналин от погони и унижительного купания постепенно стекал, оставляя после себя тяжёлую усталость. Сон, казалось, совсем ушел. Но и сил что-то делать не было.

На кухне был бардак: перевернутая чашка, валяющийся стул. Я уставился на этот миниатюрный хаос, но мыслей не было. Только обрывки.

«Чёрт. Спать хочется, а не получается. Санька... Правда, давно не виделись. С ним можно было просто потрещать. Без этой вот... всего.»

– Лекс.

– Слушаю, босс.

– Поставь напоминалку. Как просплюсь связаться с Саньком. Придумай предлог... Типа, старые симуляторы погонять или на трассе в порту прокатиться. Что-нибудь такое, неформальное.

– Будет сделано. Учитывая твое текущее состояние, рекомендую прямо на месте упасть и заснуть.

– ...

Я медленно осознал, в какую паутину я забрался. С одной стороны Голдман, его деньги, его заказ, копание в отцовских запретных тайнах. С другой Прошин с его отцовской хваткой, способный в любой момент всё обрушить. А посередине эта клоунада: капризные клиенты, бесплатный лук для деревни, девушки, пустой холодильник, воспоминания о вкусном ужине,

который вдруг стал противен. Призрак нормальной, простой жизни, которая уже была невозможна.

– Всё, Лекс, – тихо сказал я, – Я ушёл. Режим «Крепость». Никого не впускать. Даже если сам Goldman с Прошиным в обнимку и с тортом на день рождения придут. Не будить. Пусть мир... А, в пекло всё!

– Активировано. Спокойной ночи, босс. Или доброго утра.

Я побрёл обратно в спальню. За огромным окном ночная тьма начала разбавляться. На востоке появилась узкая, сизая полоса, предвестница рассвета, который мне был не нужен. Вдруг вспомнились обрывки из рассказов отца, что до создания купола зима тут была очень темная, и солнце поднималось ближе к обеду... Технологии.

Я повалился на кровать, не раздеваясь. Перед глазами, стоит только их закрыть, проплывали обрывки: загадочные симметричные участки генома, багровое от ярости лицо дядьки, голограмма улыбающейся Алисы, цифры из контракта с Goldmanом, простой текст про лук и бруснику. Всё кружилось, смешивалось.

Я натянул подушку на голову, пытаясь заглушить этот внутренний шум. Постепенно, очень медленно, сладкое небытие начало затягивать меня. Последнее, что я успел подумать: надо завтра взять образцы у «Образца».

Глава 5. Старые друзья

Приятное пробуждение, будто проспал неделю. Время без двадцати семь вечера. Я лежал секунд тридцать, прикидывая чем вообще заниматься в первую очередь. Голова была ясная, сразу хотелось спуститься в лабораторию, но и поваляться на диване казалось неплохой идеей.

– Все в норме, – раздался голос Лекса, – Происшествий не было. Никто не ломился, в бассейне не тонул. Единственное: в шестнадцать ноль три заезжал робокурьер. Пополнил холодильник, сменил арома-картриджи в системе климат-контроля. Теперь у нас пахнет «кедром и утренним инеем».

– Отлично, – пробормотал я, вставая. Поднялся и приятно потянулся, – Значит, хоть кто-то работает. Хочу кофе. И что там по задачам?

Пока я шёл на кухню, Лекс продолжал доклад. Его голос следовал за мной, исходя то из колонки у дивана, то из потолочного динамика.

– Основная задача на сегодня: забор биологических образцов у субъекта «Образец». Протокол готов, оборудование стерилизовано. Рекомендую выполнить до полуночи, пока вы не... отвлеклись.

– Не отвлекаюсь, – буркнул я, открывая холодильник. Внутри царил порядок: аккуратные контейнеры, бутылки, коробочки. Я нашёл пакет с надписью «Овсяно-миндальное молоко с хризантемой». Чёрт знает что, но звучало прикольно.

– Что ещё?

– Входящее сообщение от общины «Северный луч». Благодарят за модификацию лука. Семена получили, начинают посадку. Оплату натурой: мороженую бруснику и копченый хариус доставят в течение двух недель. Спрашивают адрес.

Я поставил молоко на стойку в кофемашину.

– Пусть шлют на улицу Владимира Путина, 205 Б, – сказал я, засыпая в аппарат свежие тёмные зёрна, – Пункт выдачи «GoldBerries». Профиль левый, до востребования. Код... пусть будет «Зимний запас». Как-нибудь заберу.

Пока машина шипела и булькала, я устался в стену. Мысль проскочила сама собой: «Он до сих пор у власти. Полвека, не меньше. Видимо, для здоровья президента этические комитеты не вякают. Интересно, кто над его телом работает?»

Кофе готов. Аромат был чарующий, сделал первый, самый вкусный глоток.

– И последнее напоминание, – сказал Лекс, – Вы просили связаться с Александром Прошиным.

– Санька, точняк.

Я взял чашку и прошёл в гостиную. Перед диваном включились новости:

«...ЗА ОКТЯБРЬ ПОТЕРИ КОАЛИЦИИ СОСТАВИЛИ 1069 ЧЕЛОВЕК УБИТЫМИ, 98 ВЗЯТЫ В ПЛЕН. ЗАХВАЧЕНО 47 АТЛАНТОВ. БОИ У ЮЖНЫХ ГРАНИЦ...»

Кадры сменились. Голографическая модель кометы, вспышка, обломки.

«...СБИТ КОРАБЛЬ-КОМЕТА-НАКОПИТЕЛЬ, СЛЕДОВАВШИЙ К СОЛНЦУ ДЛЯ ПОДЗАРЯДКИ ЭНЕРГОБАТАРЕЙ АТЛАНТОВ...»

Я зевнул. Точно, как Голдман и говорил. Мы бьём по их зарядкам, тупая стратегия...

– Выключи, – сказал я, садясь за стол, – Хватит на сегодня новостей.

Панель погасла. Я допил кофе, почувствовал, как кофеин начинает свою работу.

– Лекс, набери Санька.

– Устанавливаю соединение.

Напротив меня, над пустым стулом, замерцала голограмма. Сначала цветные помехи, потом чёткая картинка. Саня сидел у себя дома, на фоне книжной полки и окна. Выглядел... немного старше. Или это из-за...

– О, – сказал я, не сдерживая улыбки, – Повзрослел как, хотя полгода всего не виделись! Ты чё там, усы как у батыки решил отрастить?! Ахахаха!

Саня на экране смущённо потрогал верхнюю губу, потом нахмурился.

– Здарова, Свят. Да я... ну... Ай, иди ты в жопу! Машка сказала, ей нравится.

– Да ладно, Сань, я шучу. Нормальные усы. Ну, если тебе 35 лет. Ахахаха! Всё, всё, я закончил. Просто рад тебя видеть.

Я откинулся на спинку стула. Саня расслабился, ухмыльнулся.

– Дядя Вова вчера заходил, прописон мне устроил.

– Да, батя мне рассказал, как плавать тебя отправил. Ахаха, жестко, конечно. Но наверно выглядело забавно.

– Да, мировой мужик твой батек. Зла на него не держу, всё по делу получил.

Я помолчал пару секунд, вспоминая вчерашний полёт в бассейн. Не самое приятное воспоминание, но справедливое.

– А я чё звоню-то, ты не хочешь зависнуть? А то реально, сколько уже не виделись. Посидим, потрещим, выпьем чего-нибудь?

Лицо Сани оживилось, но потом немного скривилось.

– Слушай, да я только за! Только без алкашки. Мы с Машкой ребёнка хотим завести, подлечиваемся вот, врача слушаем...

Я свистнул.

– Ну ты даёшь, папаша! Красавцы! Можно и без алкашки конечно. Я думал, может, к порту поедем, на трассе погоняем? А то отцовские тачки пылятся. Я в основном феррари беру, а вот на днях порш брал, Алису катал – впечатлений выше крыши, тачка огонь!

– А эта феррари, которую ты разбил, я видел в сети? Слушай, а почему бы и нет? Когда?

– Да хоть и сегодня. Я правда только встал. В душ сгоняю, поем и готов.

– О, так давай там и пожрём возле порта. Я слышал, там новый фуд-островок поставили! Говорят, настоящий таец-дед готовит. Ты ж любишь острое?

– О, нифига себе! Я и не слышал. Острое люблю, но помню, как батяк рассказывал, что бывал в Тае по молодости, и там, типа, слишком острое всё было. Но попробовать надо!

– Договорились! Я тогда одеваюсь и еду к тебе.

– Жду.

Голограмма погасла. Я допил остатки кофе.

– Любопытная социальная динамика, – раздался голос Лекса, – Александр и Мария состоят в зарегистрированном браке один год и четыре месяца. Теперь планируют потомство, следуют медицинским предписаниям. Вы же с Алисой поддерживаете отношения восемь месяцев, а ты при этом периодически приводишь домой других девушек. С точки зрения стратегии размножения...

– Так, – перебил я, – Ты когда опять в деда превратился? Отвянь, железяка. Это называется свобода. Или поиск себя. Запиши в базу.

– Записываю, – беззвучно ответил Лекс, – Синонимы: «синдром мажора».

Я проигнорировал его и пошёл одеваться.

Я быстро ополоснулся и зашел в гардеробную, сбросил шорты и футболку. Стены сами предложили несколько вариантов «неформальный вечер, активный отдых». Я ткнул в третий – чёрный smart-комбенизон из наноткани. Материал был лёгкий, почти невесомый, но плотный. Костюм сам подался навстречу, облегая тело идеально, без единой складки. Встроенные датчики замигали зелёным на запястье. Сидит отлично.

– Александр у ворот, – сообщил Лекс, – На интересной машину. Пропускаю?

– Нет, пусть там стоит. Пусти конечно!

Я вышел на крыльцо. Вечерело. Искусственное солнце купола догорало оранжевым. У подъезда остановился «Дефендер» цвета хаки. Машина выглядела как реликт, но ухоженный, даже brutальный. Из него вылез Саша.

Встретились крепким рукопожатием, хлопком по плечу. Саня выглядел подтянутым, шире в плечах, чем я помнил. Его усы теперь казались даже немного мужицкими.

– Как добрался? – спросил я.

– Да нормально, Свят. Что тут ехать-то, пятнадцать минут.

– А ты откуда такой раритет откопал?

Он похлопал ладонью по капоту «Дефендера».

– Ой, батя недавно подарил. Машинка старенькая, но мне нравится. Едет вообще шикарно, мягко. И ИИИ-ассистент уже более-менее адекватный. Мы тут с отцом гоняли за купол кататься, по снегам. Он с собой мяса взял разного и этот, как его... мангал! Говорит, они так в молодости развлекались. И правда, круто было! Я тебе потом видео пришлю.

В его голосе звучала неподдельная гордость. Я кивнул, глядя на квадратные фары «Дефендера». У меня внутри что-то ёкнуло, не зависть, а скорее чувство упущенного.

– Звучит и правда круто... Меня мой никуда не возил... Ну, не будем о грустном. Пойдём, тачки выбирать.

Мы прошли через дом в гараж. Ряды машин стояли все так же наполированные. Я не стал разглядывать каждую, прошёл мимо низкой красной «Феррари», мимо блестящего «Мерседеса». Мои ноги сами привели меня к уже любимившемуся Порше турбо S.

– Ну я свой выбор давно сделал, – сказал я.

Саша присвистнул, оглядывая коллекцию.

– А я вот того, – он указал на вишнёвый «Мерседес 300 SL», – Цвет классный.

Через минуту мы уже выезжали со двора. Мой «Порш» рычал низким, басовитым рёвом. Сам не заметил как стал улыбаться. Я любил этот звук, не монотонный гул электродвигателя, а живой рёв внутреннего сгорания.

Ночной Новосибирск проплывал за стеклом. Неоновые рекламы отбрасывали на кузов голубым и розовым светом. Летающие такси мелькали выше, между высоких башен. Над всем этим мерцал синим гигантский купол.

Мы ехали без спешки, хотя мотор просил газа. И вот, вдали показался старый порт.

Место было узнаваемое с первого взгляда: заброшенные склады из рыжего кирпича, разбитая асфальтовая петля вокруг них, редкие фонари. Уже стояло несколько машин – молодёжь, музыка, смех. Я припарковался в тени, заглушил двигатель.

– Ну чё, Свят, давай пожрём! – Саша вышел, потянулся.

– Погнали.

Мы пошли к скоплению фуд-островков: ярких пластиковых кабинок с голографическими вывесками. Запахло дымом, специями и жареным маслом. Я искал глазами что-то азиатское.

– Вон, кажется, то самое, – Саша указал на скромную будку без неона. Надпись на русском и тайском: «Пха Тай»

У прилавка стояла девушка. Лет двадцати. Смуглая кожа, тёмные волосы, но глаза светлые, сибирские. Метиска выходит.

– Ребята, вы первый раз? Что вам подсказать?

Я улыбнулся в ответ. Она была симпатичной.

– Посоветуйте только честно, как для своих.

– Тогда настоящий тайский том ям! Не как вы привыкли, а как его готовили наши деды. Тайский омлет «Кай-Джао». И лапшу «Пад Тай». Будет очень остро.

Она говорила с искусственным акцентом, мило.

– Нас не испугаешь, – сказал Саша, подмигнув мне, – Давай два комплекта.

– И какого-нибудь напитка особенного, – добавил я, – Не сладкого.

Пока она передавала заказ пожилому тайцу за плитой, я заметил, как её взгляд задержался на мне. Не навязчиво, просто с интересом. Я держал паузу. Она наклонилась, чтобы передать нам палочки, и её пальцы слегка коснулись моей руки.

– Возьми, – сказала она, и в тот же миг на краю моего зрения, в углу спящего нейроинтерфейса, всплыло уведомление: «Новый контакт: Лина»

Я поднял взгляд. Она улыбалась, но уже деловито.

– Позвони, красавчик. Я бы с тобой прокатилась.

С кухни донёсся резкий окрик на тайском, а потом по-русски, басом:

– Лина! Хватит там болтать! Иди сюда, помоги мне кровати порубить!

Девушка скривилась, но послушно юркнула за прилавок. Мы с Санькой переглянулись и рассмеялись.

– Ну ты герой любовник, – фыркнул Саша, когда мы отошли к свободным столикам у бордюра, – Как у тебя это блин получается?

– Да оно само как видишь, – отмахнулся я, – Я, кстати, нейроинтерфейс в спящий режим перевёл. Мне дома Лекса хватает, чтобы еще кто-то в мозгах болтал. Надоели эти голопроекции перед глазами.

– Везучий ты гад, хотя я свою Машку не променял бы ни на кого, – улыбнулся Сашка.

Через пару минут Лина уже принесла нам еду в контейнерах, еще раз подмигнула, и так же быстро удалилась.

Пар ударил в лицо пряным ароматом.

Мы начали есть. И через три секунды мир сузился до пожара во рту. Том ям был не просто острым. Он был самым острым что я когда-либо пробовал. Перец чили плавал в бульоне целыми стручками. Я почувствовал, как по лицу разливается жар, слёзы выступили сами собой. Омлет был единственным спасением. Лапша была сладковатой, но под ней скрывалась новая волна остроты.

Я шипел, пытаюсь вдохнуть.

– Батя... говорил... что молоко помогает... – выдохнул я и схватился за маленький пакетик, который Лина положила в пакет. Выдавил в рот. Жирная волна на секунду смыла ад. Я задыхался.

Саша сидел в такой же позе, с красным лицом и круглыми глазами.

– И правда помогает! – прохрипел он, допивая свой пакетик.

Мы сидели минуту, отходили. Потом медленно, с опаской, продолжили есть. Острота теперь была не пыткой, а вызовом. Приятное жжение.

За окном, за прозрачным щитом термозоны, начал падать снег. Крупные, пушистые хлопья. Но они не таяли на тёплом асфальте. Просто лежали, как декорация.

Саша кивнул на купол, сиявший в темноте.

– Красиво, конечно. Но знаешь, батя говорил, что погода тут вся искусственная. День и ночь по расписанию. Зимой как ноль градусов. Летом день длиннее делают. Сам купол, говорят, работает на основе частиц с тех самых комет пришельцев. Секрет военных учёных. И ошейники-ограничители из того же делают.

Я проглотил кусок омлета, отбивая остатки остроты.

– Логично. Если сила для магии у атлантов черпается из батарей в кометах, то понятно, зачем они летают к Солнцу. Потом садят кометы возле своих городов и «питают» магический источник.

– Вот! А купол, видимо, частично эту энергию блокирует. И ошейники как краны: открыл, закрыл.

Мой мозг, несмотря на ожог рецепторов, автоматически перешёл в аналитический режим.

– Но у них в ДНК должно быть прописано, КАК они это делают. Это тебе не дешёвое фэнтези из 2020-х, где магия есть как факт, не объясняя своё существование. Наука должна узнать, за счёт чего они пользуются магией и зачем им именно солнечная энергия... Но факт накопления энергии точно есть. Иначе зачем бы им понадобилась Солнечная система...

Саша засмеялся, отставив контейнер.

– Даа, Свят, тебе бы по стопам отца пойти, диссертацию об основах магии писать! А ты девах клеишь в кафе, ахаха!

Я покрутил палочками в лапше.

– Никого я не клею. Просто улыбнулся ей.

– А что с Алисой-то не так? Она же топ-модель. Видел тут её фото в журнале... Руки сами потянулись... Гм-м... Ну, не суть. Чего на ней не женишься и не привезёшь жить к себе её?

Вопрос застал врасплох. Я отложил палочки.

– Это... как-то слишком по-взрослому и серьёзно... Хочется погулять ещё.

Саша кивнул, не настаивая. Он понимал меня. В его глазах не было осуждения. Он уже сделал свой выбор, а ещё нет.

Мы доели почти молча, изредка справляясь с новыми вспышками остроты. Когда контейнеры опустели, мы сидели, откинувшись на спинки, смотрели на снег и купол. Было тихо и хорошо.

– Ну что, Свят, давай, сделаю тебя! – вдруг сказал Саша, хлопнув себя по коленям.

Я ухмыльнулся. Удовлетворение от еды сменилось адреналином от вызова.

– Посмотрим.

Мы подошли к машинам. Ночь была тихой, только далёкий гул города и смех у фуд-островков. Я провёл рукой по капоту «Порша». Саша сел в свой вишнёвый «Мерседес», захлопнул дверь с глухим стуком.

– Маршрут? – спросил я через открытое окно.

– По кольцу, – Саша показал пальцем на петлю вокруг складов. – Два круга. Старт от того ржавого крана.

– Понял.

Мы медленно подъехали к месту. Я заглушил двигатель. Тишина. Потом завёл снова. Рёв мотора отозвался эхом от кирпичных стен.

Саша выровнялся рядом. Он смотрел прямо перед собой, руки на руле в «десять и два». Я положил левую руку на руль, правой сжал рычаг КПП.

– Старт на третий гудок, – сказал Саша.

Я кивнул.

Первый гудок. Я включил режим спорт. Второй гудок. Обороты поднял до трёх тысяч, зажал обе педали. Третий.

Я бросил педаль тормоза.

Колёса на мгновение сорвались в пробуксовку, резина завизжала. Порш рванул вперёд, вжав меня в кресло. Я переключил на вторую лепестками, потом на третью почти сразу. Саша сбоку отставал на полкорпуса. Мотор его Мерседеса ревел даже громче моего.

Первый поворот – длинная правая дуга. Я сбросил газ, вжал тормоз, руль сам лёг в поворот. Шины заскрежетали, но держали. Вышел из поворота, газ в пол. В зеркале Саша отставал, но ненамного.

Прямая. Скорость за полторы сотни. Я чувствовал каждую кочку, каждый стык асфальта.

Второй круг. Саша прижался ближе. На внутренней дуге он попытался обогнать. Я увидел его морду в зеркале. «Хрен тебе». Закрыл траекторию, заставив его притормозить. Услышал сзади визг его шин.

Последний поворот перед финишем острый, под девяносто градусов. Я вошёл в него слишком быстро. Заднюю часть повело. Сердце заколотилось бешено. Инстинктивно бросил

газ, повернул руль в нужную сторону. Машина выправилась, но потеряла скорость. Саша рванул сбоку, почти поравнялся.

Мы летели к воображаемой черте бок о бок. Я вдавил газ до упора. Двигатель взвыл. Кажется, я сам сейчас был готов зарычать.

Мой капот пересек линию на полметра раньше.

Я тут же сбросил газ, начал тормозить. Остановился, вылез. Руки дрожали. Но не от страха, а от адреналина. Я облокотился на крышу, вдыхая холодный воздух полной грудью.

Саша подъехал, вылез. Лицо красное, но улыбается.

– Ну ты псих, Свят! Чуть не разбился же!

– Да нормально! – я выдохнул, ухмыльнулся. – Зато тебя сделал!

Мы стояли, опираясь на машины, дышали свежим прохладным воздухом. Было хорошо и так по простому.

А потом приехали они.

Сначала это был гул, не мотора, а басовитого сабвуфера. Потом свет: синий, зелёный, розовый неон под днищами. Потом сами машины: они выглядели как обычные тачки, но искажённые до неузнаваемости. Спойлеры, диски, светящиеся диффузоры. Киборги на колёсах.

Они въехали на площадку как на парад: медленно, с пафосом. Музыка гремела. Из машин вылезали парни в яркой, нелепой одежде, девушки в пластиковых комбинезонах и с неоновыми волосами. Смех был громким, искусственным.

Я вздохнул. Знакомое зрелище. Тупая показуха. Я уже хотел предложить Саше свалить, но один из парней заметил нас.

– Эй! Свят! Это ты что ли там?!

Голос был хриловатым, я узнал его. Олег. Он шёл впереди всех, расставив руки вбок. Располнел с прошлой встречи. Лицо одутловатое, глаза блестели неестественно – то ли пьяный, то ли под наркотой.

– Вот это встреча! – Олег подошёл близко, что я почувствовал его вызывающие духи, – Чего на обочине торчите, как лузеры? Давай с нами в гонку! Ставки высокие! Игрушки, бабки, девки, да что захочешь.

Я покачал головой.

– Не, Олег, пас. Мы просто так прокатиться заехали.

Олег прищурился. Его улыбка стала фальшивой.

– Ааа, понял. Испугался? Не мужик? Или папочка-учёный не разрешает?

У меня внутри что-то щелкнуло. Я почувствовал, как сжимаются кулаки. Почти сказал «да пошёл ты», но Саша шагнул вперёд. Он встал между мной и Олегом, и его осанка вдруг стала прямой, как у отца.

– Отвали, – сказал Саша тихо, но чётко, – Свят тебе сказал что не хочет. Иди к своим подружкам.

Олег замер. Его дружки за спиной переглянулись. Я увидел, как Саша напрягся. Он был готов. И я тоже.

Олег медленно провёл языком по губам.

– О, Прошин-младший. Папенькин сынок. Тоже учишь жизни? Ну-ну...

Он сделал шаг вперёд. Его ребята потянулись следом. Я отступил на полшага, чтобы иметь пространство для удара. *«Ну щас мы им разобьём морды».*

И в этот момент раздался другой звук: сирена. Резкой и противный. Сверху спустились три патрульные капсулы Коалиции. Они зависли, осветив площадку белыми прожекторами.

– Всем оставаться на месте! Никаких движений!

Хаос. Крики, беготня. Кто-то прыгнул в машину, пытался рвануть, но на выезде уже стояли две капсулы. Двери патрульных открылись, вышли бойцы в чёрной форме, с знаками внутренней службы на шлемах. Они действовали чётко, без суеты.

Мы с Сашей не двигались. Просто стояли у своих машин. Я почувствовал странное спокойствие.

«Как в плохом боевике двадцатых. Абсурд»

Я усмехнулся. Саша хмыкнул в ответ.

Нам не пришлось ждать долго. К нам направился молодой офицер, его лицо было напряжённым.

– Нарушение правил 5.7 и 12.3 свода законов ОКЗ, – отчеканил он, – Несанкционированные гонки, шум после двадцати двух, подозрение на употребление. Ваши документы.

Я выдохнул, сделал шаг вперёд.

– Святослав Волштейн.

Офицер кивнул, записывая в планшет. Потом посмотрел на Сашу.

– Александр Владимирович Прошин, – сказал Саша спокойно, – Отец военный. Могу позвонить, вам оно надо? Мы можем просто спокойно уехать. Мы не с теми фриками в тусовке. Мы здесь вдвоем. Спросите в тайской забегаловке.

Офицер замер. Он посмотрел на Сашу, потом на планшет. Поблуднел.

– Прошин?.. Тот самый, что освобождал Кемерово в 2035-м?

– Он самый, – кивнул Саша.

Офицер выпрямился, лицо стало почти паническим.

– Прошу прощения. Можете быть свободны.

Он поспешно отошёл, крича что-то своим. Мы переглянулись. Улыбнулись улыбкой людей, которые только что увидели, как работает система. И как она отступает перед именем влиятельного человека.

Мы сели в машины и уехали. В зеркалах оставался хаос: задержанных, крики, свет прожекторов. А мы просто растворились в ночи.

Без лишних разговоров поставили машины в гараж, попрощались. Я дал указание роботу-мойщику обслужить машины.

Дом встретил меня тишиной. Я прошёл в гостиную, скинул комбинезон на диван. Тело ныло приятной усталостью.

– Вечер удался? – спросил Лекс. Его голос был нейтральным, без подколов.

– Да, – я прошёл на кухню, налил воды, – Погоняли с Санькой. Пожрали тайской стряпни, чуть язык не обжог. Потом нагрязнула тусовка Олега, начали задираться. Прилетели патрульные. Саня их разогнал одним именем дяди Вовы.

– Стандартная вечерняя программа, – заметил Лекс, – Рад, что обошлось без физических повреждений. Александр упомянул о чём-то ещё?

– Да по мелочи.

Я допил воду, поставил стакан в мойку. Усталость накатывала волной.

– По задачам: завтра с утра берём образцы у «Образца». Всё готово?

– Всё было подготовлено ещё сегодня. На какое время запланировать процедуру?

– Отвлекся... В десять давай. Разбуди в девять.

Я потянулся, кости хрустнули. Вечер был хорошим. Но сейчас он кончился. Впереди оставалась важная работа.

«Интересно, что я найду в его ДНК завтра»

Глава 6. Сделка

Я спустился в лабораторию ровно в десять. После вчерашней гонки и крепкого сна, я чувствовал себя отлично. Как раз для тонкой работы.

На центральном столе уже лежал разложенный стерильный набор: пробирки, зонды для мазков, дермальный панч – маленький прибор, как дырокол, только для кусочка кожи.

– Подготовка завершена, – доложил Лекс, – Стерильный набор для забора: мазки из рото-глотки, буккального эпителия, образец слюны. А также дермальный панч для биопсии кожи диаметр два миллиметра. Анестезия, согласно архивным записям Фёдора Волштейна, не требуется. Регенерация у субъекта высокая.

– Спасибо, кэп, – пробурчал я, натягивая перчатки.

Разложил инструменты на тележке в нужном порядке. План был простой: взять всё и сразу. Чтобы не возвращаться, не объяснять дважды. Сделать быстро, аккуратно и забыть.

Дверь в комнату «Образца» открылась с тихим шипением шлюза. Хоть Лекс и включил режим вентиляции на полную, запах все равно стоял другой.

Он сидел на кровати и просто смотрел на голую стену. На мои шаги отреагировал медленно – фиолетовые глаза повернулись в мою сторону.

Я подкатил тележку, остановился в метре.

– Нужны образцы, – сказал я, – Открывай рот. Потом возьму кусочек кожи с предплечья, больно не будет, ну или почти.

Он медленно перевёл взгляд с меня на тележку. И так же медленно отвернулся, уставившись снова в стену.

Он испытывает мое терпение. Я вздохнул, взял зонд для мазка, сделал шаг вперёд.

– Эй. Я сказал...

Его рука двинулась, не резко. Его длинные пальцы обхватили моё запястье чуть выше перчатки. Не сдавили. Просто остановили. В его прикосновении не было силы, но я не смог двинуться дальше.

Внутри всё напряглось.

– Да что ты... – я прошипел, пытаясь выдернуть руку. Не получилось, – Я же по-хорошему! Лекс, подготовь седацию! Накачай ему успокоительного в систему вентиляции!

И тогда он повернул голову. Его лицо было всё так же бесстрастным, но в глубине этих фиолетовых глаз что-то изменилось. Взгляд стал как у отца, когда он рассказывал о моей покойной матери.

Он заговорил. Голос был низким, даже бархатным. И на чистейшем, идеальном русском, без малейшего акцента.

– Я готов сотрудничать, человек. Но твой отец был добрее ко мне.

Я замер. Рука всё ещё была в его хватке. Мозг отказывался обрабатывать это. Слова долетали, но смысл разбивался.

Он... заговорил.

– Почему я так противен тебе? – продолжил он, всё тем же ровным тоном, – Что я тебе сделал? Это ведь ты держишь меня тут в плену.

Я дёрнул руку. Он отпустил без сопротивления. Я отступил на шаг, наступил на ножку тележки. Она звякнула.

– Что? – выдохнул я, – Что за бред? Он говорит... так свободно?

– Лекс! Ты знал? Что это?

Молчание. На секунду дольше, чем должно было быть. Потом голос ИИ стал другим – полностью механическим, будто мой протокол настройки отключился.

– Без комментариев. Хотел бы добавить, но... Ошибка прав доступа. Запрос отклонён. Раздел «Общение с субъектом» зашифрован протоколом «Янус».

Я стоял, сжав зонд в руке так, что пластик затрещал.

Протокол «Янус». Отец не просто скрыл данные в геноме. Он скрыл... это. Сам факт диалога. Зачем? Что он с ним делал? Какие ещё сюрпризы спрятал?

Я обернулся к атланту. Тот сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на меня.

– Чего тебе надо? – спросил я сдавленно.

– Я не прошу много, – сказал он спокойно, – Не прошу меня освободить. Твой отец создал для меня приемлемые условия, я понимаю, для чего я тут. Мне не хватает новых книг. И... шоколада. Желательно горького, но подойдет и молочный. А ещё...

– Не наглей, – резко обрезал я. Злость вернулась моментально, – Книг и шоколада более чем достаточно для образца твоего ДНК.

Он кивнул, как будто это был разумный аргумент.

– Хорошо, человек.

Я зажмурился на секунду. «Человек». Не Святослав, не сын Фёдора. Просто человек. Как будто я был для него видом, а не личностью. Ирония ситуации ударила с опозданием.

– Лекс! – рявкнул я, – Закажи доставку. Шоколада, разного, этому... чуду. И найди в сети что-нибудь почитать. Художественное, без политики.

Голос Лекса вернулся к привычному.

– Хорошо. Заказ оформлен. Прибудет через десять минут. А книги? Я могу подобрать...

– А, не надо! Книги я сам возьму, – оборвал я. Вышел из комнаты, не глядя на атланта.

Дверь закрылась за моей спиной.

Я стоял в середине лаборатории и мои руки дрожали. От злости? От шока? Неясно.

«Он торгуется. Папа... дружил с ним? Обучал его? Что за чушь? Его изучать надо, а не дружить!»

Мне нужно было двигаться. Застрять в этих мыслях было нельзя. Я снял перчатки, швырнул их в дезконтейнер. Пошёл наверх, на кухню.

Я открыл холодильник, на автомате взял пару батончиков дяди Вовы и бутылку питательной смеси со вкусом, который производитель называл «нейтральный». Выдавил батончик в рот, запил. Мысли метались.

Через девять минут Лекс сообщил о прибытии заказа. Робокурьер – невзрачная капсула на колёсах уже ждал. Забрал пакет.

С книгами было сложнее. Кабинет отца.

Я остановился перед дверью. Тяжёлая деревянная дверь. Я не заходил сюда... с тех пор, как разбирал бумаги после похорон.

Рука сама потянулась к ручке.

Воздух был спёртым, пыльным. Свет, который включился автоматически, был приглушённым, тёплым. Кабинет. Большой потёртый дубовый стол. На нём старомодный терминал с толстым экраном, стопка бумаг, которую никто не трогал. Кожаное кресло с потёртостями на подлокотниках. Всё стояло так, будто он вышел пять минут назад.

И пыль. Повсюду тонкий слой серой пыли. На столе, на мониторе, на спинке кресла.

«Я ведь и роботу-уборщику не давал команды заходить сюда...»

Шкаф с книгами занимал всю стену. Старые бумажные переплёты, несколько современных голопланшетов. Я подошёл, не глядя на названия, провёл рукой по корешкам. Пыль взметнулась, закружилась в луче света. Я закашлялся.

Наспех выдернул первые три книги с полки, какие попались под руку. Даже не посмотрел обложки. Просто сгрёб в охапку.

– Лекс, – сказал я, выходя и оставляя дверь открытой, – Дай указание роботу-уборщику. Полная уборка в кабинете. Всё протереть, пропылесосить. И... проветрить.

– Принято, – ответил Лекс. В его тоне прозвучало что-то вроде одобрения. Или мне показалось.

Я вернулся в лабораторию с охапкой книг и пакетом шоколада. Чувствовал себя идиотом. Учёный, носитель секретных знаний, а выполняю поручения пленного инопланетянина.

Шлюз в комнату «Образца» снова открылся. Я засунул внутрь книги и шоколад, отступил. Дверь закрылась, потом через минуту открылась внутренняя створка.

Атлант взял пакет. Он развернул одну плитку шоколада, отломил квадратик, положил в рот. Его лицо не изменилось, но глаза на секунду прикрылись.

– Вымогатель, – сказал я, – Моя часть сделки выполнена. Твоя очередь.

Он кивнул, положил шоколад на кровать. Подошёл к шлюзу, к тележке с инструментами. И сделал то, от чего у меня снова отвисла челюсть.

Он взял зонд для мазка. Открыл рот, сам провёл им по внутренней поверхности щеки, поместил в пробирку. Потом взял тампон для слюны. Всё быстро, точно, без суеты.

– Что ты... – начал я.

– Фёдор меня научил, – сказал он, не отрываясь от процедуры. Голос был ровным, но в нём прозвучала та же усталость, что и в глазах, – Говорил, что если придётся, я должен уметь сам, чтобы не доверять случайным людям. Он был мудр.

Он взял дермальный панч. Приложил к коже предплечья, там, где у людей обычно берут анализы. Нажал. Тихий шелчок. Крошечный диск кожи остался в инструменте. Кровь почти не выступила – лишь капля, тёмно-фиолетовая, почти чёрная. И тут же края ранки начали стягиваться.

Он поместил образец в последнюю пробирку, закрыл все контейнеры. Протёр инструменты салфеткой со стерильным раствором, положил обратно на тележку.

Потом откатил тележку ко мне.

– Всё, что тебе нужно, – сказал он, – Теперь оставь меня. Я хочу почитать.

Он повернулся, взял одну из книг с кровати, сел. Открыл. Погрузился в чтение, как будто меня больше не существовало.

Я молча забрал пробирки. Забрал тележку и вышел.

Стоял посреди лаборатории, держа в руках контейнеры с образцами. Чувствовал смесь глупого облегчения, раздражения и... уважения? К этой чужой, бесстрастной точности. К его спокойствию.

«Папа не просто изучал его. Он обучал его. Как ассистента. Или... как друга? Да зачем?»

– Лекс, – сказал я, отнеся пробирки к главному терминалу Кроноса, – Начинай первичную обработку. Полногеномное секвенирование, полный профиль. И сравнительный анализ с архивной копией отца. Всё, что отличатся подсветить жёлтым.

– Принято. Загрузка образцов. Оценка времени первичного анализа: тридцать минут.

Я сел перед огромным экраном Кроноса. На экране поплыли статус-бары, строки кода. Я откинулся на спинку кресла, попытался успокоить дыхание.

Пока ждал, решил начать с чистого листа. Открыл новый проект, загрузил сырые данные со сканера. Попытался собрать геном атланта стандартными алгоритмами выравнивания.

И упёрся в стену. Через двадцать минут экран был усеян ошибками.

«Участок chr7: нестабилен... Невозможно определить последовательность... Аномальное число повторов...»

Геном не поддавался. Он был как жидкое зеркало – попробуй поймать отражение. Стандартные методы цеплялись за одни и те же участки, спотыкались, выдавали мусор. Отец в своих записях упоминал «плавающие последовательности», но я думал, это образное выражение.

Оказалось, нет.

«Чёрт. Он и правда был лучшим. Без его специальных алгоритмов стабилизации, без тех самых «костылей», которые он встроил в софт Кроноса, я тут зависну на недели. Может и на месяцы»

Злость закипела снова: на себя, на отца, на эту проклятую сложность. Я выдохнул.

– Лекс, импортируй базовые алгоритмы стабилизации из архива Фёдора Волштейна. Проект «Атлант-Базис». Но отключи все фильтры постобработки. Все пометки «мусорная ДНК», все скрытые метки. Я хочу видеть сырые данные, только выровненные. Понятно?

– Понятно. Это увеличит вероятность ошибок сборки на 15%.

– Рискну.

Система загудела по-новому. На экране поплыли другие процессы. Я наблюдал, как знакомые алгоритмы отца начали наводить порядок в генетическом хаосе. Это было одновременно унинительно и восхитительно. Он решил задачу, над которой я бы бился впустую.

– Первичный анализ завершён, – сообщил Лекс. – Углублённая расшифровка с учётом ваших модификаций займёт три часа сорок семь минут.

Четыре часа. Сидеть и пялиться в экран я не мог.

– Включи ТВ, – сказал я, откидываясь, – Посмотрим, что нового в этом прекрасном мире.

На стене замигала голограмма. Новостной канал. Ведущий что-то говорил о новых квотах на импорт синтетического мяса. Скукота.

– Рекомендую не пялиться в экран, – голос Лекса прозвучал с лёгкой, знакомой издёвкой, – Посмотри лучше на входящий заказ в даркнете. Там... интересный случай. Требуется вашего внимания, пока «Кронос» трудится.

Я вздохнул, выключил голограмму. «Интересный случай» от Лекса обычно означал «сложный, дорогой и потенциально опасный». Но лучше это, чем ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.